

В моих глазах – твоя гибель!

Автор:

[Елена Арсеньева](#)

В моих глазах – твоя гибель!

Елена Арсеньевна Арсеньева

Дети Грозы #3Любовь и тайна

Дети погибшего советского колдуна по прозвищу Гроза волею судьбы оказались на Дальнем Востоке. Саша и Женя живут у Тамары Морозовой, которая скрывает, что они брат и сестра. Преведние способности, которыми блистали малыши, были ими утрачены после того, как их опоили снотворным. Лишь изредка внезапные проблески преведних дарований поражают и окружающих, и их самих. Они выросли, понимая, что друг для друга дороже всех на свете. Но Тамара, которая отчаянно ревнует своего сына к Жене, совершает преступление. Лишь чудом девушка остается жива... Узнав о своем родстве, брат с сестрой, которые собирались играть свадьбу, в ужасе разъезжаются кто куда, чтобы забыть и Тамару, и друг друга...

Елена Хабарова

В моих глазах – твоя гибель!

Есть на небесах Бог, открывающий тайны.

Книга пророка Даниила

Загадки страшные природы

Повсюду в воздухе висят.

Н. Заболоцкий

© Хабарова Е., 2017

© Коробейников В., иллюстрация на переплете, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Хабаровский край, район Бикина, 1959 год

...Так, значит, это был тигр! Тигр, а не изюбрь! То-то Саше показалось странным, что раздается его рев, но не слышно ни треска веток, сломанных рогами, ни тяжелых шагов зверя.

Глупцы! Они не чуяли опасности, потому что были опьянены своей удачей. Даже для Данилы, опытного женьшенщика, это оказался особенный день.

Невероятный! Панцуй [1 - Панцуй – китайское название женьшеня, принятое и на русском Дальнем Востоке. (Здесь и далее примечания автора.)] словно бы сам шел к ним в руки, и один довольно крупный корень нашел Саша, что считалось просто чудом: ведь он первый раз вышел на промысел.

– Дуин даи най, дюэр нучи пиктэ, – то и дело бормотал Данила и повторял по-русски, как бы утверждая факт: – Четыре большой человек, два маленький ребенок. Ребенок ждет, когда вырастет, большой человек в сумке лежит.

Ну да, еще не подросшие корешки опытные сборщики не брали – пользы от них пока мало, пускай подрастут! – но это место помечали, чтобы вернуться на другой год. Так и Данила отметил два заветных места.

Саша давно уже не спрашивал, почему Данила говорит о панцеуе как о человеке. В самом деле, зрелый корень очень похож на человеческую фигурку. Слово «женьшень» так и переводят с китайского: человек-корень.

Вот они шли да шли себе под радостный речитатив Данилы: «Илан даи най, дюэр нучи пиктэ», – когда невдалеке послышалось мягкое и в то же время пронзительное:

– Йя-яаа-у-у! Йя-яаа-у-у!

Данила и Саша переглянулись.

– Орон! – выдохнул Данила. – Изюбрь! Панты!

Оба мигом забыли о том, что ради пантов, то есть рогов, изюбря бьют только до июля (потом панты сохнут, теряют свои целебные свойства и идут за бесценнок, как поделочный материал), а сейчас подходит к концу август. Они забыли о том, что вчера уже подстрелили двух кабанов, мясо которых лежит в балагане, и его еще надо дотащить до села. То есть мясо изюбря им тоже было ни к чему. Но этот рев возбуждал необычайно, он вскружил им головы! Саша отдернул накомарник; оба охотника сорвали с плеч ружья.

Рыжая шкура на миг мелькнула в зарослях аралии, и Данила выстрелил. Почти сразу выпалил и Саша. Оба промахнулись: через мгновение рыжая шкура появилась гораздо правее, и они ударили из вторых стволов, даже не задумавшись о том, что громоздкий изюбрь никак не мог бесшумно переместиться на такое расстояние.

А между тем это был не изюбрь. Это оказался тигр – великий мастер вкрадчиво цедить рев изюбря, подманивая зверя... или человека. Тигр заморочил головы неопытным охотникам и подкрался к ним незаметно, на мягких лапах!

Судя по неподвижности Данилы, он тоже был ошарашен внезапным появлением амбани [2 - Амбани – тигр (нанайск.)]. Саша понимал: ни он, ни Данила просто не успеют перезарядить ружья – тигр прыгнет раньше!

И тигр прыгнул – нет, грянул, как гром, с высоты, с камня, на котором таился. На фоне сочной таежной августовской зелени, еще не расцвеченной осенним буйством красок, возникло вдруг ярко-рыжее, сильное, стремительное тело.

Саша смотрел на зверя, летящего на него, и секунда растягивалась в бесконечность...

Это был здоровенный самец. Его широко расставленные передние лапы, казалось, готовы заключить человека в объятия, в разинувшейся во всю ширину пасти белели клыки, уши воинственно прижались к затылку, а глаза сияли жгучим расплавленным золотом.

Саша выронил бесполезное ружье и, словно пытаясь сдержать прыжок огромного зверя, в отчаянии выставил руки вперед. Все в нем воззвало, вскричало, взрыдало, взмолилось о помощи, но кого звал, кого молил, он и сам не мог бы сказать. Только мелькнуло в памяти самое любимое лицо на свете – лицо Жени, искаженное горем, и Саша остро ощутил, что его неминуемая гибель и в самом деле станет страшным горем для нее! Что бы ни разлучило их – они остались братом и сестрой. Человеческая злоба пыталась их разлучить – но не смогла. Неужели разлучит смерть? Теперь уж навеки? Нет!

И огонь жизни, страсть к жизни, невозможность лишиться жизни вспыхнули в Саше так яростно, что он ощутил болезненный жар в кончиках пальцев, напряженно вытянутых к тигру: их как бы прошило искрами, и почудилось, что воздух, отделяющий его от зверя, расплавился, заструился, вскипел.

И случилось невероятное.

Какая-то сила словно бы остановила стремительный полет тигра – остановила на краткий миг, однако это был осязаемый, осознаваемый миг, когда Сашу самого обдало жаром изумления, ибо повисшего в воздухе тигра ему еще не приходилось видеть, и он даже не мог себе представить такого, не хватало никакого воображения! Этого мига, впрочем, хватило, чтобы отшатнуться в сторону, вломившись в колючие заросли элеутерококка, а тигр, продолжая свой прерванный прыжок, упал на тропу в каком-то метре от него.

Внезапно рядом грянул выстрел.

Раздался вой, исполненный лютой боли; тигр снова взвился в прыжке, однако сейчас его взметнула не жажда наживы, а боль – и ненависть к человеку, который выпалил в него из зарослей.

Саша успел увидеть торчащий из сплетения лиан лимонника, унизанного алыми ягодами, ружейный ствол, высунувшуюся голову в апоне – нанайской шапке, – но в следующее мгновение тигр рухнул туда всей массой.

Раздался грохот камнепада, и Саша понял, что неизвестный охотник таился на крохотном выступе скалы, который не выдержал тяжести тигра и обвалился.

Треск сломанного подлеска, перестук раскатившихся каменных обломков – все это скоро стихло, и больше Саша не слышал ни звука.

Он поднялся на ноги, вылез из спасительного куста, машинально обирая с себя мелкие сухие иголки и морщась от боли в исколотых пальцах, осмотрелся – и наткнулся на взгляд Данилы. Узкие нанайские глаза того, без преувеличения сказать, сейчас сделались круглыми от страха и изумления!

– Кто?.. – хрипло выговорил он. – Кто стрелял?!

Саша только покачал головой. Он был настолько потрясен, что слова вымолвить не мог.

Наконец удалось разлепить спекшиеся губы:

– Надо посмотреть, что там. Может быть, он жив...

– Амбани?! – вскинулся Данила, торопливо перезаряжая ружье.

– Человек! – резко сказал Саша.

Человек, который спас ему жизнь.

Данила в сомнении покачал головой и, держа ружье в одной руке, начал проворно спускаться в обрыв, цепляясь за лианы дикого винограда, плотно оплетающие стволы черных берез, столпившихся над обрывом...

Горький, 1942 год

До глубокой ночи Тамара отмывала залитые кровью комнату и крыльцо. Трупы Ольги и Фаины Ивановны увезли в морг. В почтовом ящике обнаружилась похоронка на мужа Ольги, Василия Васильевича, но ужаснуться этому у Тамары не оставалось никаких сил. Ей хотелось верить, что Ольга не успела об этом узнать...

Итак, она осталась в чужом, вернее, бесхозном доме – с двумя детьми, которые находились в ужасном состоянии после того, как были одурманены сильнейшей дозой мака и едва не погибли из-за этого. Их пытались похитить, но кто и зачем, Тамара никак не могла взять в толк. Кому понадобились двое малышей?!

Капитан госбезопасности Дмитрий Александрович Егоров, спасший Сашу и Женю от похитителей, должен был возвращаться к месту службы – в город Саров, где строилось какое-то секретное предприятие. Он помог Тамаре похоронить Ольгу, а потом сразу уехал, однако все же успел рассказать ей о том, что узнал от одного из похитителей, и это потрясло Тамару.

Оказывается, глубокая привязанность Саши и Жени друг к другу была не просто детской дружбой, а их странности, которых Тамара старательно не хотела замечать, – вовсе не странностями. Саша и Женя оказались братом и сестрой, двойняшками, которые родились в семье секретных сотрудников НКВД, погибших спустя несколько дней после появления детей на свет. Их фамилия была Егоровы, отца – по удивительному совпадению! – тоже звали Дмитрием Александровичем, как и капитана госбезопасности, а мать – Елизаветой Николаевной. Способности к передаче мыслей на расстоянии, к перемещению предметов, к воздействию на психику Женя и Саша переняли от своих родителей. И если они уже в детстве неосознанно совершали чудеса, то какими же станут в будущем?..

На их странности и способности, даже самые невероятные, Тамаре было совершенно плевать, но открытие, что Саша не является ее родным сыном, ее сокрушило. Смириться с этим она не могла, а главное, не хотела. Возможно, она даже немного помешалась от горя, которое доставило ей это открытие. И, чтобы выжить, чтобы не сойти с ума, Тамара решила не верить Егорову. Не верить – и все!

Саша – ее сын. Ее собственный сын. Тамара любила его самозабвенной, мучительной и страстной любовью собственницы. Никто не знал, как она раньше ревновала его к Жене и Ольге, с которыми ей волей-неволей приходилось делить привязанность Саши.

Теперь многое изменилось. Ольги больше нет. А Женя для Саши – не более чем чужая девчонка! Ведь, когда Саша и Женя проснулись, оказалось, что они забыли все свое недолгое прошлое, что не помнят вообще ничего, даже друг друга. И, судя по всему, свои «особые способности» они тоже утратили.

Перед отъездом Егоров прислал к Тамаре старенькую докторшу по фамилии Симеонова. Симеонова работала в психиатрической больнице и помогла Егорову установить личность одного из похитителей детей – Пейвэ Меца: человека с самыми страшными глазами, которые только приходилось видеть Тамаре в жизни! Эти эмалевые синие глаза и это имя надолго стали ее наваждением и кошмаром: они вползали в ее мозг подобно тому, как вползали в него мысли этого Меца, которые Тамара непонятным образом улавливала.

Вечером Симеонова обследовала Сашу и Женю и предложила забрать их в больницу, чтобы начать лечение. Она уверяла, что способна вернуть им память... но именно этого Тамара хотела меньше всего!

Да, ей меньше всего нужно было, чтобы Саша вспомнил, как чудесно ему и Жене жилось в Ольгином доме, вспомнил бы, как Тамама (он всегда называл Тамару только так, ни разу не сказал ей «мама», и это, наверное, на многое могло бы открыть ей глаза – если бы она захотела их открыть, конечно!) приходила домой поздно, пьяная, а то и вовсе не приходила, а однажды принесла кольцо, при виде которого детям стало дурно, их рвало... потом выяснилось, что это кольцо, подаренное Тамаре любовником, было снято с убитой женщины.

Нет, возвращения такой памяти Тамара не хотела! Точно так же не нужны были ей невероятные способности Саши и Жени. Поэтому она решительно дала от ворот поворот доктору Симеоновой, однако соврала, что хочет, чтобы дети просто окрепли физически. А потом, дескать, можно будет и о лечении поговорить.

Доверчивая старушка со смешной седой косичкой, которая вечно выпадала из прически, согласилась подождать и покорно ушла. Но Тамара ждать не

собиралась. Она решила уехать с Сашей в Москву. Но как это сделать?!

На ее бывшего начальника и любовника, Бориса Лозикова, надеяться не стоило: как сообщил Егоров, Лозикову предстояло вылечиться после ранения, а потом отправиться в тюрьму за многочисленные хищения и пособничество группе диверсантов.

Мог бы помочь Егоров – НКВД всесильно! – однако к нему Тамара ни за что не обратилась бы. Она вообще собиралась проделать все тайно от него. Очаровавшись Тамарой с первого взгляда (и к этому ей было не привыкать!), Егоров вскоре разочаровался в ней, а потом стал относиться подозрительно. Если бы его не призывали срочные дела, он остался бы в Горьком и добился бы того, чтобы Саша узнал, что Тамама ему вовсе не мать, что Женя – родная сестра. Он разрушил бы жизнь Тамары! Нет, она не собиралась позволять этого.

Бежать! Скрыться, чтобы Егоров ее не нашел!

Но куда бежать? Где скрываться? У кого найти помощь?

...Закончив уборку, Тамара еще долго сидела в столовой, в одиночку поминая Ольгу и тихо плача от тоски и бессилия, а еще от того, что жалкие остатки водки она уже допила, а больше взять было негде. Наконец поднялась в спальню.

Дети спали рядом на ее кровати. Тамара хотела отнести Женю в Ольгину комнату, однако жутко стало входить туда, словно где-нибудь там мог притаиться призрак подруги, и она только переложила Женю в Сашину кроватку, а сама легла рядом с сыном, обняла его и попыталась собраться с мыслями.

Всю эту ужасную ночь Тамара не спала, ломая голову в поисках выхода из сложившейся ситуации. А рано утром раздался громкий стук в калитку...

Тамара подхватилась с измятой, разоренной постели и глянула в щель меж плотно закрытых штор затемнения.

В сером предрассветье она разглядела широкоплечего мужчину в черной шинели и фуражке, плотно сидящей на большой круглой голове. Тусклым золотом отсвечивали нашивки на рукавах.

Тамара схватилась за сердце. Она не видела этого человека почти пять лет, она не могла толком разглядеть его лица, но узнала его сразу.

Александр Морозов! Ее первая любовь, ее бывший муж, который развелся с ней из жгучей ревности и потому, что уверился, будто Тамара родила Сашку от молодого врача Виктора Панкратова!

Мысль о том, что Сашку она вообще не рожала, что Панкратов подменил ее умершего ребенка, как уверял Егоров, Тамара отогнала от себя, как опаснейшего врага. Она накинула халат и шаль, спустилась вниз, отперла двери и подошла к калитке.

Да так и ахнула: черная повязка прикрывала правый глаз Морозова. Зато заметила нашивки на рукавах шинели: был Морозов кавторанг, а теперь стал каперангом! [З - Кавторанг – капитан второго ранга, каперанг – капитан первого ранга.]

– Ну вот, – хрипло выговорил каперанг Морозов, разводя руками, в одной из которых был зажат чемоданчик. – Помнишь, ты меня Нельсоном называла? Теперь я точка в точку Нельсон, даже правого глаза лишился. Здравствуй, царица Тамара.

– Да, – пробормотала Тамара, глядя в его единственный серо-голубой глаз и тиская у горла шаль. – Здравствуй, Сашенька.

– Томка, Томочка, – выдохнул каперанг, – до чего же я по тебе соскучился!

И, рванув калитку так, что та слетела с петель, шагнул к Тамаре, облапил ее, прижал к себе, сопя и вздыхая. Тамара бессильно приникла к нему – она забыла медвежью силищу Морозова, который всегда обнимал ее так, словно намеревался переломать ей кости, заплакала тихонько:

– Сашка... я боялась, что тебя убили!

– Били – не доби́ли, – пробурчал Морозов, горячо дыша ей в волосы. – Тома, ты с кем живешь? Ну, живешь с кем, я спрашиваю? Замуж вышла?

Тамара молча повозила головой по шинельному сукну.

– А сынок? Он как? – тихонько спросил Морозов. – Как он, Сан Саныч наш?

– Он тоже здесь, – прошептала Тамара, замирая от этого слова – «наш». – Болеет. Мы жили у подруги, у Ольги Васильевой, а ее зарезал какой-то бандит. Сашка тоже чуть не погиб. С тех пор никак не может оклематься. Плохо нам тут, тяжело!

– Томка! – вскинулся Морозов, отстраняя ее от себя и жадно заглядывая в глаза. – Поехали со мной!

– Куда? – напряглась Тамара.

– На Дальний Восток. В Хабаровск! Я направление получил на Амурскую флотилию. С боевого морфлота меня списали – это ведь только Нельсон мог быть одноглазым адмиралом, а мне даже до контр-адмирала [4 - Контр-адмирал – в ВМФ звание, более высокое по отношению к капитану первого ранга, следующее по старшинству до адмирала.] дослужиться не судьба. Я едва в петлю не полез с горя, но добрые люди помогли с назначением. И на этом спасибо, речфлот так речфлот, главное, что в борт волна бьет, верно, Томка? В Москве зашел на Спартаковскую, к нам домой, и Люся Абрамец – помнишь ее, ну, такая соседка с первого этажа? – сказала, что ты в Горьком. Я попросил у командования три дня на устройство семейных дел и помчался сюда, надеялся с тобой помириться.

– Люся Абрамец?! – удивилась Тамара. – Как она, жива-здорова?

– Да хорошо! Отлично просто! Дочку родила... правда, помалкивает от кого, но сподобилась ведь! Назвала Люсьеной, курам на смех! Все уши мне про свою Люсьеночку прожужжала, ну прямо соловьем разливалась!

Морозов не стал упоминать о том, что Люся Абрамец, соседка Тамары с первого этажа, соловьем разливалась и прожужжала ему уши также и о докторе

Панкратове, который не просто ухаживал за Тамарой, но и жил с ней, в этом доме, в этой квартире, отсюда и на фронт ушел, а с тех пор вестей о нем не было.

Еще четыре года назад Морозов взревел бы от ярости, убежал, хлопнув дверью, напился, поминая неверную жену и ее любовника всеми мыслимыми и немыслимыми словами... А сейчас он только попросил у Люси адрес Тамары.

Морозов слишком много увидел за два года войны, слишком много испытал и выстрадал. Назначение на речфлот унизило его чрезвычайно, как он ни храбрился. Чтобы как-то перенести это, не спившись или вовсе не застрелившись из табельного оружия, ему нужен был близкий человек рядом, нужно было, ради кого жить, о ком заботиться... Это могли быть жена и сын.

Морозов сомневался, что Тамара окажется одинокой, и совершенно не верил, что она согласится уехать с ним невесть куда – на какой-то Амур, в какой-то Хабаровск, за десять тысяч верст от Москвы. И он чуть не упал от изумления, когда она вдруг бросилась к нему на шею и залила слезами его шинель, причитая:

– Сашенька, я согласна! Я поеду, поеду! Увези нас с Сашкой отсюда! Увези прямо сейчас!

Да, Тамара была согласна, на все согласна, только бы уехать отсюда, забыть все, что связывало ее с этим городом с таким безнадежным, таким тягостным названием – Горький. Уехать – и начать все заново, как будто не было их развода с Морозовым, а вот прямо сейчас он забрал их с Сашкой из роддома – и впереди только счастливая семейная жизнь с их родным, с их единственным сыном.

– Прямо сейчас... – пробормотала Тамара, отчаянно пытаясь заглянуть в это будущее, но не видя в нем ничего, кроме клубящейся зыбкой мути.

– Поехали! – решительно сказал Морозов, нетвердо стоя на ногах от счастья. – Меня ждет машина. Вечером через Арзамас на Москву пойдет специальный поезд, мы должны на него успеть. А завтра уедем в Хабаровск с воинским эшелоном. Бери сына – и вперед.

– Но вещи... – заикнулась было Тамара, но тут же отчаянно махнула рукой. В эту минуту ей наплевать на все на свете вещи, даже на самые дорогие и роскошные, подаренные ей Лозиковым, среди которых, между прочим, были беличья новая шубка, горжетки из чернобурки и соболей, три панбархатных платья и три пары великолепных английских туфель, воистину неисповедимыми путями попавших в Горький в разгар войны!

Она понеслась в дом, поминутно оглядываясь, словно боясь, что Морозов, посланный ей, конечно же, небесами во спасение, вдруг исчезнет, оказавшись обманным видением. Но Морозов не исчезал – он вошел в дом, поднялся вслед за Тамарой по лестнице в спальню – и замер рядом с ней на пороге, увидев Сашу и Женю, которые сидели на кроватях и внимательно смотрели друг на друга, чуть улыбаясь, как будто беседовали о чем-то своем.

Выражение напряженной попытки что-то вспомнить на лице Саши напугало Тамару до потери пульса. Надо было помешать ему во что бы то ни стало!

– Сашенька, смотри, твой папа приехал! – вскричала она. – Сейчас мы быстренько оденемся и уедем с ним далеко-далеко!

– Папа? – Саша изумленно уставился на Морозова. – Ты мой папа? А...

Он запнулся на долю секунды, растянувшуюся для Тамары в мучительный высокосный год, во время которого она пережила триста шестьдесят шесть страхов о том, что Сашка сейчас спросит: «А как же папа Витя?» Но он всего лишь спросил:

– А как тебя зовут?

– Меня? Александр Морозов, так же, как и тебя! Мы с тобой оба Сан Санычи! – радостно воскликнул Морозов, похоже, очарованной Сашкой с первого взгляда – как, впрочем, все очаровывались им: все и всегда. – Поедешь со мной и с мамой на Амур, в Хабаровск? Там здорово! Там медведи, тигры...

– А львы? – оживленно вмешалась Женя. – Львы в Хабаровске есть?

– Думаю, что нет, – осторожно ответил Морозов. – Честно говоря, насчет амурской фауны я не большой знаток. Но мы приедем, разберемся во всем тамошнем зверье, – и Сашка тебе напишет, хорошо? В смысле. Мы за него напишем, а тебе мама прочитает наше письмо. Все узнаем, обо всем подробно расскажем... А ты кто такая? Как тебя зовут?

На миг выражение лица Жени стало таким растерянным и жалобным, что сердце Тамары болезненно сжалось, но тут же она собралась с силами и ответила так сухо, как только могла:

– Ее зовут Женя Васильева. Она дочь той самой моей подруги, о которой я только что тебе говорила, помнишь?

Морозов кивнул, вспоминая ее рассказ о погибшей подруге, и спросил:

– А ее кто заберет, родственники?

– У нее никого нет, – бросила Тамара – и схватилась за голову: – Боже мой, надо ведь еще и Женьку куда-то девать! Муж Ольги на фронте погиб. В детдом устраивать – это долгие хлопоты, а нам же надо сегодня уезжать! Еще с моим паспортом в милицию бежать, к домоуправу... Я попрошу соседку ее пока у себя подержать, она хорошая, эта тетя Груня, отзывчивая, а потом... Ну, потом она Женьку сама сдаст в детдом, надо только тете Груне денег дать. У тебя деньги есть, Саша? – сбивчиво бормотала она, отводя глаза от взгляда Морозова.

В эту минуту Саша и Женя слезли с кровати и, подойдя друг к другу, взяли за руки.

– Я тоже поеду, – решительно сказала Женя.

– А я без нее не поеду, – буркнул Саша. – Никуда. И к тиграм не поеду.

– Да что вы тут устроили! – так и взвилась Тамара, решившая ни в коем случае не позволить Саше вспомнить Женьку и ту странную привязанность, которую они питали друг к другу. Родственную, как уверял Егоров... но Тамара не хотела этому верить. – Да зачем она тебе, Сашенька?! Это ведь просто чужая девочка!

Саша и Женя снова уставились друг на друга, и снова сердце Тамары сжалось, но теперь от ужаса: вдруг Саша закричит, что Женька никакая не чужая, и еще их болтовня про какую-то общую бабушку Евгению Дмитриевну вспомнилась Тамаре, заставив покрыться холодным потом...

Саша и Женя молчали, только одинаково насупились, но молчание это было таким многозначительным, что Тамаре стало совершенно ясно: придется или Сашку увозить связанным, а то и опоить его знаменитым маковым молочком, уподобившись покойнице Фаине Ивановне, – чтоб ее черти на том свете жарили, огнем жгли! – или брать Женьку с собой.

У нее перехватило дыхание от отчаяния. Но внезапно милое лицо Ольги возникло перед глазами, и вспомнился их разговор, когда Тамара вернулась из Старой Пурени, со строительства укреплений. Тамара твердила, что боялась, если ее там убьют, Ольга бросит Сашу. И, бормоча это, Тамара прекрасно понимала и без Ольгиных клятв, что подруга никогда и ни за что Сашу не бросит. А вот Тамара теперь собирается бросить Женьку...

Но как же иначе?!

– Слушай, Том, девочку мы тоже с собой забираем, – перебил ее мысли Морозов. – Даже и не спорь. Я ж тебя знаю: ты сама себя поедом заешь, что ее бросила. Ты же добрая... ты же добрая, да, Томочка?

В голосе его звучали умоляющие нотки, и Тамара остро почувствовала, что все ее надежды на будущее пойдут прахом, если она откажется взять Женьку. Ведь Морозову нужны сейчас не только она и Саша – ему нужно какое-то идеальное будущее, о котором он истово мечтал во время боев и после них, на мостике своего эсминца и потом в кубрике, которое снилось ему ночами в госпитале и ради которого он выжил. Этим своим единственным глазом он не хочет видеть никаких недостатков в Тамаре, а если все же разглядит их, то... то что случится?

Он уже один раз ушел от жены, потому что она оказалась не такой, как ему мечталось. Вдруг уйдет снова? И как ей тогда жить – здесь, в Горьком, оставаться?! И ждать, пока нагрянет Егоров и опять заведет это ужасный разговор о том, что Саша вовсе не ее сын и они с Женей – брат и сестра?!

– Конечно, – пролепетала она, с мольбой глядя на Морозова. – Конечно, я бы хотела Женечку взять с собой, но только как же это устроить, Саша? Вечером поезд... Разве можно все уладить? Ты не представляешь, как все это сложно! Это непреодолимо!

– Нет таких крепостей, каких не взял бы Герой Советского Союза Александр Морозов, – сказал ее муж, расстегивая шинель, и Тамара с изумлением увидела блеснувшую на его кителе Золотую Звезду. – Все устроится, поверь, Томочка...

Все в самом деле устроилось, причем стремительно. Тамара целый день пребывала в каком-то тумане, в оцепенелом, покорном спокойствии, бегая, как нитка за иголкой, за Морозовым в отделение милиции, паспортный стол и к домоуправу, еще в какие-то учреждения, и везде все получалось влёт, как по маслу! Потом они спешно покидали в чемоданы вещи (по зрелом размышлении Тамара решила не расставаться с подарками Лозикова), собрали продукты в дорогу – и помчались на машине в Арзамас, заперев дом и сдав ключи участковому. Вот тут уж Тамара понервничала, сообразив, что Саров-то совсем рядом, в двадцати километрах от Арзамаса, и вдруг, господи помилуй, Егорову тоже взбрдет отправиться в Москву именно сегодня?!

Но не взбрело. Обошлось!

Наутро они были уже в Москве. Разместив семью в служебной гостинице, Морозов спешно оформлял карточки на жену и детей, а Тамара, оставив Сашу и Женю под присмотром дежурной, сбегала на Спартаковскую, постояла около двери своей бывшей квартиры (она стояла опечатанная, а времени искать участкового не было, да и не хотелось надирать сердце воспоминаниями), а во дворе встретила с Люсей Абрамец, которая сидела на лавочке с ребенком на руках. Это была та самая Люсьеночка, о которой упоминал Морозов, – крохотная-крохотулечная (в мать пошла), но довольно хорошенькая (не в мать пошла!), и Тамара ее искренне похвалила.

– А ты бы видела ее глаза! – гордо сказала Люся. – Красоты необыкновенной! Как васильки!

Она вознамерилась было разбудить дочку, чтобы продемонстрировать Тамаре васильковые глазки, но девочка просыпаться не хотела, начала хныкать, так что

Люся снова укачала ее. Тамара написала для Люси свой новый адрес: Хабаровск, Главпочтамт, до востребования, попросив пересылать туда письма, если будут, оставила ей денег – и ушла, тактично не спросив, от кого же это Люся умудрилась родить. Да впрочем, это ее не слишком интересовало!

Около полуночи военный эшелон, в составе которого было несколько купейных вагонов для командированных и их семей, отправился в Хабаровск.

Хабаровск, 1954 год

Женя стояла на березе и смотрела то на закатное небо, то на белое цветущее облако, которое лежало внизу, на пересечении улиц Вокзальной и Запарина. Практически вся Вокзальная состояла из длинных и довольно глубоких оврагов, посередине которых бежала в Амур помойная речка Чердымовка. В городе были две такие речки – Чердымовка и Плюснинка. Некогда, рассказывали, это были две чистые и прозрачные горные реки, однако потом, когда застава Хабаровка, начинавшаяся как военный пост, начала обживаться, расширяться и строиться, по обеим сторонам речушек выросли домишки, образовав неминуемый в каждом спешно застраиваемом городке шанхайчик. Бог его знает, почему такие городишки по всей России называются шанхаями! В Хабаровске китайцы жили в своей слободке на Казачьей горе. А в шанхае селились русские да украинцы.

Все домишки были окружены небольшими огородиками и садиками. Из фруктовых деревьев в них росли одни дикие яблони и груши. Есть крошечные яблочки и грушки можно было только перезрелыми, а то и примороженными, но зато как цвели эти деревья по весне! Чудилось, бело-розовые облака вот-вот поднимутся над оврагами и поплывут над городом, лелеемые амурскими ветрами. И нежнейший аромат их пересиливал гнилостную вонищу, постоянно источаемую водами Чердымовки и Плюснинки. Чистые горные речки давно уже стали сточными канавами для береговых жильцов. Даже когда речушки замерзали, на их лед высыпали мусор и золу из печей, сливали нечистоты, так что ребятне, которая очень любила кататься на санках и фанерках с замечательных естественных гор – овражных стен, – приходилось старательно маневрировать, чтобы не въехать в лужу помоев или гору мусора. Впрочем, зимы в Хабаровске стояли такие студёные, что все это добро быстро замерзало, и только кое-где надо льдом курились темным парком зловонные промоины.

Хабаровчане, однако, ко всему этому привыкли и, не замечая неустройства и грязи, с удовольствием любовались овражными склонами, щедро украшенными как дикими одуванчиками, саранками, ирисами, так и садовыми георгинами, астрами, золотыми шарами да «хохлами» и «хохлушками», как здесь называли ярко-оранжевые бархатцы.

Чердымовка и Плюснинка протекали меж трех главных улиц города: имени Серышева, Карла Маркса и Ленина, которые тянулись на возвышениях строго параллельно друг другу. Благодаря трем этим улицам и двум речушкам какой-то острослов во времена незапамятные прозвал Хабаровск «три горы, две дыры». Впрочем, в те времена улица Серышева звалась Военной горой, Карла Маркса – Средней, а Ленина – Артиллерийской. И горы, и дыры были перечеркнуты другими улицами, также строго параллельными. Вообще то, что город строили военные, придало ему четкость и строгость линий и направлений. По диагонали можно было пройти куда угодно и здорово сократить путь, чем радостно пользовались горожане, а потому в Хабаровске было множество очень удобных проходных дворов.

Сюда, на улицу Запарина, дом 112, Морозовы (и Женя Васильева с ними) переехали всего два года назад. Большая часть их хабаровской жизни прошла на окраине города, на Базе Амурской флотилии [5 - База Краснознаменной Амурской флотилии – один из районов Хабаровска, городок военных речников.], где Морозов служил в политчасти до тех пор, пока его не списали вчистую из-за постоянных приступов грудной жабы. Тамара всегда томилась на скучноватой Базе и мечтала жить в центре, где были два кинотеатра и аж три театра: Драмы, Юного зрителя и Музыкальной комедии, который горожане особенно любили. В центре имелись хорошие школы, не то что на Базе! А если честно, она страшно боялась, что Морозов, который жил от приступа к приступу, долго не протянет, а что тогда будет делать его вдова с двумя детьми (Женька хоть и не родная, но с ней тоже придется возиться, пока не начнет самостоятельно зарабатывать)? Из ведомственной квартиры их запросто выселят – и как быть тогда? Шалаш строить? Словом, Тамара исподволь внушала мужу, что довольно нажились они на Базе, пора и о семье подумать, и если нет никакой возможности вернуться в Москву, то пусть хоть квартиру добудет в центре.

Вообще Хабаровск был по большей части деревянный, ибо строительного лесу в тайге, как известно, руби сколько хочешь. Однако на улице Серышева, поблизости к штабу округа, понастроили красивых каменных домов, которые называли «генеральскими». Поселиться в этих пятиэтажных домах отставнику

нечего было и мечтать, зато в одном из кэчевских [6 - КЭЧ, то есть квартирно-эксплуатационная часть, - воинское формирование, которое занимается тыловым обеспечением Вооруженных сил Российской Федерации (ранее - СССР).] деревянных, на нескольких хозяев, по улице Запарина, как раз освободилась двухкомнатная квартира, вот ее Морозов и успел получить за полгода до смерти.

Еще когда они жили на Базе флотилии, Тамара сторонилась соседок: ей, жене помполита, было неуместно дружить со скучными женами простых старшин, и она надеялась, что здесь, поблизости от штаба округа и дома, в котором жил сам командующий (особняк находился по адресу Запарина, 118, то есть совсем рядом!), для нее найдется более интересное общество.

Но Тамару ждало разочарование. По соседству, тоже в квартире с окнами на улицу, жил школьный учитель труда Дергачёв, а с обратной стороны дома обитали две уборщицы-вдовы: Валентина Вечканова с великовозрастными дочерьми и Алевтина Герасимова, одинокая женщина, шестнадцатилетний сын которой содержался за кражу в колонии в поселке Юхта Амурской области. Все они получили квартиры в кэчевском доме еще до войны, да так тут и прижились, хотя Сергей Петрович Дергачёв работал в обычной школе, а Вечканова и Герасимова мыли полы отнюдь не в военных учреждениях. Дергачёв был еще ничего, потому что поглядывал на Тамару с восхищением, а вот отношения с Вечкановой и Герасимовой не складывались: доходило до громогласных ссор и выяснений, кому нынче золотаря вызывать, чтобы уборные и общую выгребную яму чистить, и кто в прошлый раз водовозке недоплатил. В пылу ссор Герасимова однажды даже плюнула Тамаре на подол и пригрозила, если будет нос задирать, науськать на нее дружков сына, который содержался в колонии! Морозова в живых уже не было, заступиться некому, Тамара присмирела... Вот когда она вспомнила добрым словом смирных и скучных старшинских жен с Базы Амурской флотилии! Потом золотаря стала присылать КЭЧ, недалеко от дома установили аж три колонки, но отношения с соседками были уже испорчены.

Но, с другой стороны, жили Морозовы теперь почти в центре, все оказалось под боком: и магазин «Военная книга» рядом со штабом округа, и продовольственные центральные магазины, и баня, а перейдешь деревянный щелястый мост над оврагом – и вот тебе кинотеатры «Гигант» и «Совкино», и Центральный универмаг с киоском «Мороженое», пристроенным к нему, и Большой гастроном! И до вожделенных театров рукой подать. Ну и, конечно, немаловажно, что по соседству, буквально в соседнем дворе, располагалась

средняя школа номер 57, детям удобно.

Детям было не просто удобно – они сразу полюбили и школу, куда теперь ходили вместе (с началом нового года отменили раздельное для мальчиков и девочек обучение!), и улицу Запарина с ее разъезженными колеями, деревянными тротуарчиками и зарослями полыни, и новое жилье полюбили, и двор, в центре которого располагался огородик, а сбоку, на границе участков Морозовых и Дергачёвых, росла огромная и высоченная черная береза в два ствола. Стволы эти, разделяясь почти у комля, снова сходились ближе к вершинам, так что очень легко было забраться на самую высоту и не сидеть там, а стоять, упираясь ногами в оба ствола и оглядывая весь простор Вокзальной улицы, облака цветущих яблонь в оврагах, и даже разлив Амура вместе с утесом, на котором красовалась изящная обзорная башенка, и даже левый берег с синими сопками! Ходили слухи, что вскоре военные (в Хабаровске почти все строили военные!) начнут сооружать на берегу огромный стадион с футбольным полем, Дворцом спорта и даже открытым бассейном, – но пока что там лежала песчаная равнина, которую иногда, во время паводков, изрядно заливало. Отсюда, с березы, можно было любоваться несусветными закатами, когда небо над Амуром то золотилось, то зеленело, то алело, то уходило в густой багрянец, вот как сейчас. Скоро опустится волшебнo-синий занавес глубокого вечера, украшенный первой, прозрачной, как слеза, словно бы дрожащей от собственной смелости звездой...

Женя стояла на березе одна. Под березой на лавочке сидел одноклассник и «пожизненный поклонник» Вадик Скобликов, украдкой поглядывая наверх, под развевающуюся Женькину юбку. Но под юбкой у нее были надеты китайские шароварчики, так что Вадька задира л голову напрасно.

Саша со своим приятелем Васькой Ханыгиным и его братом Сережкой повел домой Джульбарса. Овчарку несколько дней назад они купили у этих самых Ханыгиных. Тамара после смерти Морозова стала бояться воров, особенно когда объявили очередную амнистию и в городе появилось довольно много бывших заключенных. За Джульбарса дали большие деньги, в которых нуждались Ханыгины, замышлявшие покупку трофейного «Виллиса» у одного майора медслужбы из военного госпиталя. Однако и пес страшно тосковал, не пил, не ел, и хозяева сразу покаялись, что продали верного друга, поэтому братья Ханыгины нынче примчались, радостно вопя:

– Дома паника, мать в истерике, короче, вот ваши деньги, а Джульбарса я забираю.

Саша огорчился, тетя Тома (так Женя с детства называла мать Сашки) – тоже, а Женя только плечами пожала. Она с первого взгляда поняла, что этот пес у них не заживется!

– Жень, ты когда спустишься? – донесся снизу робкий голос Вадика.

– Никогда, – высокомерно ответила она. – А что? Надоело сидеть?

– Ага.

– Ну так и не сиди, – засмеялась Женька. – Тебя же никто не держит, правда? Я тебя вообще не звала! Чего пришел? Сколько раз говорила – отвяжись! Есть у тебя мужская гордость или нет?

Вопрос был сложный. Гордость, конечно, есть, но почему-то при виде Женьки она куда-то девается. Тает, будто это снежок, спрятанный в карман, а на дворе жарища. Вот как сейчас!

Конечно, признаться в этом было нельзя. Поэтому Вадик поднял себя с лавочки и вышел со двора, хлопнув калиткой, не сомневаясь, что эта принцесса даже не посмотрит ему вслед.

Совершить бы подвиг ради нее! Убить врага, который ее преследует, поднять с земли упавшую в обморок Женьку, прижать к себе, украдкой поцеловать – и шепнуть так, чтобы она не слышала: «Я так тебя люблю! Я тебе жизнь отдам!»

Ага, ей шепни про любовь, а она буркнет, не открывая глаз: «У меня своя есть!» С нее станется! Вот и сейчас, конечно, даже не смотрит ему вслед... А почему? Потому что красавица, каких больше нет на свете, с этими зелеными глазищами, родинкой в уголке рта, и вообще... она такая... такая...

Уныло волоча сандалии по деревянному тротуару, Вадик плелся вверх по улице Запарина к своему дому, растянувшемуся чуть ли не на квартал. Этот дом в народе звался «пятиэтажкой», и жили в нем исключительно семьи военных.

Одноклассники, бывая в Вадькиной трехкомнатной отдельной квартире с ванной, туалетом и балконом, выходящим словно прямо в небо (все-таки пятый этаж!), млели от восторга. А Женьку туда было не заманить. Ей было наплевать и на пятиэтажку, и на балкон, и на самого Вадьку.

Разлюбить бы ее, да как?! Вот сейчас он уходит, обиженный до слез, но завтра притащится снова. И послезавтра. И послепослезавтра...

Женя только вздохнула, провожая его взглядом.

Хороший парень Вадька, но такой тюфяк. Жалко его, но в тюфяков не влюбляются. Герой ее романа должен быть смел, отважен и стрелять из пистолета в цель без промаха!..

Тихонько стукнула калитка. Женя опустила голову, уверенная, что это вернулся от Ханыгиных Саша, однако во двор осторожно, озираясь, вошел какой-то незнакомый парень: очень худой, невысокий, в глубоко нахлобученной кепке и черном засаленном ватнике.

Так... а ведь, похоже, тетя Тома не зря боялась воров! Именно в таком виде и являлись в город амнистированные сидельцы. Для полноты картины этому парню не хватало только «сидора» за плечами.

Конечно, это бывший зэка, несмотря на то что ему лет шестнадцать-семнадцать, не больше.

Интересно, зачем у него в руках пустая бутылка из-под «Столичной»? И вообще, что ему понадобилось у них на дворе? Может быть, он хочет...

Женя нахмурилась. Однако она не чувствовала никакого беспокойства или страха – даже свесилась с ветки, чтобы было ловчее наблюдать, но пока помалкивала.

Между тем парень осторожно поднялся на высокое крыльцо, устланное половиками, которые Женя и тетя Тома сами сплели из всякого раздерганного на полосочки тряпичного рвань-старья, бесшумно приоткрыл дверь в коридорчик и вошел в дом.

В следующую минуту Женя чуть не свалилась с дерева, услышав истошный вопль:

– Вор! Грабят! Держите вора!

Тетя Тома высунулась из окна и голосила так, что у Жени в ушах звенело.

Парень, бледный, с вытаращенными глазами, вылетел из дверей, прижимая к груди свою пустую бутылку, скатился с крыльца, пометался по двору и, совершенно потеряв, видать, голову с перепугу, ринулся не к калитке, а почему-то к забору, который разделял участки Морозовых и Дергачевых. И тут Сергей Петрович, который возился в своем дворе и прибежал на шум, молодецкато перескочил забор и принял парня в крепкие объятия, да так стиснул, что он и шевельнуться не мог.

– Вор! Милиция! – продолжала голосить тетя Тома. – Грабят! Убивают!

Через забор заглядывали прохожие, примчался и участковый Тимофеев, который жил на этой же улице, только на противоположной стороне, возле бани: распоясанный (ремень зажат под мышкой), фуражка набекрень, рот набит: видимо, ужинал, да, не доев, кинулся выполнять свой служебный долг.

– Мишка! – изумленно воскликнул Тимофеев при виде парня, едва не подавившись при этом. Быстро прожевал то, что было во рту, и продолжил: – Не успел вернуться – и сразу за старое?!

– Да я!.. – заикнулся было парень, но договорить ему не дала ворвавшаяся в калитку Алевтина Герасимова.

– Вон отсюда! – яростно закричала тетя Тома. – Вон пошла, верблюдица!

Видимо, вспомнила, как Алевтина плюнула ей на подол.

Однако Алевтина этого оскорбления словно бы и не расслышала: все ее внимание было устремлено на Дергачева.

– Ах ты ж погань! – завопила она. – Ах ты ж выродок! Зачем тебя только выпустили, урода? Меня, мать родную, вечно позоришь!

Она бросилась к Дергачеву и принялась его трясти.

Собравшиеся онемели...

Сергей Петрович так удивился, что разжал руки, и парень ужом скользнул было в сторону, однако его перехватил Тимофеев, уже поправивший фуражку и опоясавшийся ремнем.

Участковый принял беглеца в крепкий захват и заломил ему руки за спину.

– Алевтина, ты в уме? – воскликнул Дергачев. – Какая ты мне мать?! Я ж тебя старше на пять лет!

Алевтина стояла, покачиваясь, с трудом удерживая взгляд на его лице. Стало ясно, что она жестоко пьяна, вот глаза и разбегаются. Наконец она сердито отмахнулась:

– Да чего ты, Петрович, не в свое дело лезешь? Не с тобой говорят! – и, повернувшись к парню, которого не выпускал участковый, снова заблажила: – Ах ты ж погань! Ах ты ж выродок! Бамовец [7 - Поскольку Байкало-Амурская магистраль (БАМ) строилась в описываемое время силами заключенных, слово «бамовец» было тем же, что ворюга, зэка, грабитель.] несчастный! Зачем тебя только выпустили, урода? Меня, мать родную, вечно позоришь! Обокрасть соседей хотел? Да я ж с ними вовек бы не расплатилась! Эта ж Томка, она ж из горла не только свое, но и чужое выгрызет!

– Да ты язык-то придержи! – завопила тетя Тома. – Вырастила вора, а на меня...

Она осеклась, потому что Женя в это мгновение спустилась с березы, как Джонни Вайсмюллер с пальмы в трофейном фильме «Тарзан в западне» [8 - Под этим названием в СССР шел американский фильм 1936 года «Спасение Тарзана», входивший в число тех, которые были захвачены Красной Армией в качестве трофеев на территории Германии и других европейских стран во время Великой Отечественной войны.]: перелетая с ветки на ветку. Они с Сашей отработали сей

трюк до совершенства, и даже тетя Тома уже привыкла и не пугалась, но на свежего человека это производило очень сильное впечатление.

Очень!

Раздался дружный вопль собравшихся – а потом воцарилось изумленное молчание, которым Женя не замедлила воспользоваться.

– Да что вы все заладили: вор, вор? – спросила она с досадой, поднимаясь на крыльцо, как на трибуну, и окидывая собравшихся сердитым взглядом. – Почему вор? Он заглянул к нам керосину занять, да Тамара перепугалась и крик подняла.

– Какого керосину? – ошеломленно спросила тетя Тома. – Ты о чем?

– О горючей смеси углеводородов, – пояснила Женя, которая училась на отлично по всем предметам как в восьмилетке на Базе, так и в 57-й средней школе. – Которую в керосинку заливают. Этот парень вернулся из колонии, пришел домой голодный, мечтал, что мать его встретит, чаем напоит и хоть чем-нибудь накормит. Но Алевтина Федоровна спала в обнимку с пустой бутылкой, а еды в доме никакой не нашлось, кроме сырой картошки. Он картошку помыл, в кастрюльку положил, поставил на керосинку, чиркнул спичкой, а огня нет, потому что керосинка пустая. И бидон пустой. Тогда он взял бутылку и пошел к соседям – керосину займы просить. У Вечкановых было заперто, тогда он к нам направился. Вошел в калитку – во дворе пусто, поднялся на крыльцо, сунулся в коридор, потом на кухню. Тут его тетя Тома увидела и перепугалась до смерти. Решила, он сейчас бутылку о край стола жახнет и «розочкой» ей горло перережет. Вот и закричала. Ну, тогда он и сам перепугался, что ему сейчас новое дело навесят, и кинулся наутек. Да только тетя Тома так кричала, что вся улица сбежалась, – вот парня и схватили.

– Ты чего тут нанесла, малахольная? – слабым голосом спросила тетя Тома. – Ты чего наболтала?!

Женя только высокомерно повела бровями и села на верхней ступеньке крыльца.

– Правда что малахольная, – нерешительно пробормотала Алевтина. – Где это я спала? Да я со вчерашнего дня глаз не сомкнула, сыночка родимого поджидаячи, а он...

– Это что, правда? – перебил Дергачёв, который не забыл еще, как в прошлом году Женя Васильева в одну минуту угадала, кто таскал инструменты из школьного кабинета труда и шарил по карманам в раздевалке. Это оказался директорский сынок, тихоня и отличник, на которого никто и никогда не подумал бы! А Женька раз глянула – и угадала...

– Конечно, правда! – наконец прорезался голос у обвиняемого. – Я не пойму, откуда она это знает, но это все истинная правда!

– Ага, хорошую она тебе подачу дала, Мишка! – сердито хохотнул Тимофеев, большой любитель футбола. – А ты тоже соображучий: сразу мяч принял... Но голевой момент не засчитан! – И он повернулся к перепуганной хозяйке: – Ну что, гражданка Морозова, будете заявление писать? Насчет попытки ограбления?

– Да! – мстительно глядя на Женю, воскликнула Тамара.

– Нет, – раздался голос Саши. – Никто ничего писать не будет. Это просто какое-то недоразумение, правда, Тамама?

Тамара вмиг сникла, поджала губы и кивнула, бросив на Женю ненавидящий взгляд.

– Ну что, пройдем, гражданин Герасимов? – сухо сказал Тимофеев парню.

– Куда еще? – спросил тот испуганно.

– В отделение, милоч, – пояснил участковый с ухмылкой.

– За что? – крикнули в один голос Женя, Саша и Мишка.

– За нарушение паспортного режима. – Улыбка сошла с лица Тимофеева. – Если кто прибывает из мест лишения свободы, он должен первым делом отметиться в

КЭЧ. Отметиться, а не керосин у соседей шукать!

– Так ведь уж вечер, – растерянно пробормотал Мишка. – Паспортный стол в КЭЧ закрыт! Я б завтра с утра пришел.

– А надлежит в день прибытия! – назидательно изрек Тимофеев. – Мало ли что стол закрыт – в отделении дежурный есть, вон отделение Кировского района, через двор, на улице Фрунзе! Так что пошли, пошли, не тни время. Задерживаю тебя за нарушение паспортного режима, а это уже рецидив. Значит, опять суд и справедливое наказание. И не вздумай сопротивляться: сам себе еще столько сроков навесишь, что замучаешься считать.

– Можно я ему хоть еды какой-нибудь дам? – в отчаянии воскликнула Женя. – Он ведь даже поесть не успел!

Тимофеев покосился на нее, на Сашу, подумал, начал было сурово качать головой, но вдруг кивнул, причем вид у него сделался такой, словно он сам не поймет, почему согласился.

Женя опрометью кинулась в дом.

– А вы расходитесь, граждане, – махнул рукой Тимофеев. – Кина не будет.

Алевтина, качаясь, потащилась за калитку, приговаривая:

– Ну, прощай, сынок! Прощай, до скорой встречи!

Дергачев посмотрел ей вслед, плюнул и, достав из кармана червонец, сунул Мишке в карман:

– Держи, пригодится! И пригляди, Тимофеев, чтоб он деньги не потерял, понял?

Он значительно глянул на участкового, и тот заюлил глазами:

– Понял, чего ж не понять!

– Тамама, собери ему какой-нибудь еды в дорогу, – сказал Саша.

У той задрожали губы от злости и обиды, но спорить не посмела – скрылась за окном.

Тут из дому выскочила Женя с кружкой чаю и большим ломтем хлеба, на котором лежал кусище колбасы.

Мишка умял все это в минуту, давясь и чавкая, а чай выпил чуть ли не одним глотком.

– Осторожней, он горячий! – воскликнула Женя жалобно, но Мишка только буркнул:

– Ничего, мы привыкшие!

Протянул ей кружку и тихо спросил:

– Слушай, а как ты узнала, как ты могла узнать, что я за керосином приходил? Ты где была, что все видела?

– Я на березе стояла, – пробормотала Женя, удивляясь, какого странного цвета у него глаза: очень светлые, желтые, совсем как янтари в ожерелье тети Томи, подаренном ей дядей Сашей Морозовым незадолго до смерти. – Я не знаю... я сама не понимаю, как...

– Высоко сажу, далеко гляжу? – ухмыльнулся Мишка.

– А что, правда все так и было? – шепнул Саша.

Мишка кивнул.

– Лучше бы я молчала, – вздохнула Женя. – Все равно они не поверили.

– Они бы и так не поверили, – передернул худыми плечами Мишка. – Так что я теперь рецидивист. Снова в колонию! Только ты знаешь что? За меня никто

никогда не заступался. Ты первая. А мне тебя даже поблагодарить нечем. Нет, слушай... я знаю, чем! Я тебе стих скажу!

- Чей стих? - вскинула брови Женя.

И Саша тоже вскинул брови точно так же, как она.

Дергачёв посмотрел на них, хотел что-то сказать, но не стал, только удивленно переглянулся с Тимофеевым. В эту минуту Мишка заговорил, проникновенно глядя на Женю своими янтарными глазами:

Нет, ничего вы не знаете, люди,

Как больно мальчишке простому бывает,

Когда его родная мать проклиняет.

Когда ему в жизни не верит никто.

И только одна есть на свете девчонка,

Которая с болью посмотрит вдогонку,

А может быть, даже слезинку смахнет,

В мечтах обо мне ночью глаз не сомкнет.

И он улыбнулся застенчивой щербатой улыбкой.

- Ну, это ты загнул, - сердито сказал Саша. - Прямо глаз не сомкнет!

- Да это ж только стихи! - воскликнул Мишка. - А в стихах можно чего угодно насочинять.

- Ты прямо сейчас это сочинил? - недоверчиво спросила Женя.

- Ага, - кивнул тот.

- А ведь неплохо, ты знаешь?!

– Знаю, – ухмыльнулся Мишка. – Все говорят, что я прям поэт. Мне это просто. Я в колонии всегда для стенгазеты сочинял. Только я те стихи вам читать не буду.

– И не надо, – вмешался Тимофеев. – Времени нету. Эй, хозяйка! – крикнул он вдруг. – Еды собрала парню?

В окно высунулась надутая Тамара, сунула Саше газетный сверток.

Саша передал его Мишке. Тот спрятал сверток за пазуху и пошел вслед за Тимофеевым, изредка оглядываясь на Женю и улыбаясь.

Наконец они скрылись из виду. Прохожие и соседи постепенно разошлись.

– Слушай! – схватил Женю за руку Саша. – Ты все это на самом деле видела? Честно?

Женя хотела сказать – да, но перехватила испуганный взгляд Тамары, не отходившей от окна, и почему-то ответила уклончиво:

– Сама не знаю.

Саша в сомнении покачал головой, но переспрашивать не стал ни сразу, ни потом – может быть, потому, что Тамара так и кружила вокруг них весь вечер, прислушиваясь к каждому слову, перехватывая каждый взгляд, а может быть, потому, что он не сомневался: да, Женя все это видела на самом деле!

Этого не могло быть, но это было...

Как? Почему?!

Эх, кто бы объяснил...

Горький, 1942 год

Дмитрию Александровичу Егорову часто казалось, что судьба любого человека – это некая повесть, написанная то умелым и изощренным, то бесталанным, с убогим воображением, писателем. Самыми интересными получались те повести-судьбы, авторы которых были горазды выдумывать крутые повороты сюжета и невероятные совпадения. Вопрос только в том, получали ли персонажи хоть какое-то удовольствие от писательских выдумок...

Автор повести под названием «Дмитрий Егоров» был как раз из таких любителей и умельцев подсовывать своему герою сюжетные виражи – один за другим. Причем далеко не каждый из них радовал, а некоторые приводили его на край гибели.

Еще в 1941 году капитан госбезопасности Егоров был направлен из Москвы в Горький и в Арзамас. В начале войны, когда Красная армия отступала по всем направлениям и враг приближался к Москве, было принято решение организовать две запасные Ставки Главного командования, куда при самом плохом раскладе эвакуировали бы Сталина. Одно – основное – секретное убежище, называемое «объектом номер один», строилось в Горьком – под знаменитым волжским Откосом, на самом берегу. Другое – запасное – решено было разместить в Арзамасе. Якобы Сталин сам выбрал этот город, сказав: «Когда Иван Грозный брал Казань, у него ставка была в Арзамасе; остановимся и мы на этом городе». В Арзамасе даже выстроили секретный аэродром, а в сельце Новоселки начали рыть правительственный бункер. Однако Арзамас находился куда ближе к западным фронтам, чем Горький, и, если бы фашисты окружили Москву, Ставка Верховного главнокомандующего оказалась бы под прямым ударом. Идея с Арзамасом была впоследствии отставлена, так же, впрочем, как и с «объектом номер один» в Горьком. Сама мысль о том, что Сталин находится в Москве, а значит, армия защищает не только столицу, но и всеми любимого вождя, воодушевляла людей, в то время как весть о его эвакуации была воспринята отрицательно. Какой же это главком, который бежит с поля боя?..

Егоров, срочно направленный из Горького в Арзамас, когда идея о запасном варианте еще разрабатывалась, принять участие в строительстве не успел: попал по дороге в аварию и вместо строительной площадки угодил в госпиталь. Однако, едва выписавшись, получил предписание отправиться вместо Арзамаса в Саров. В то время это слово не значило для него ровно ничего – было всего лишь одним из географических названий. Правда, краем уха слышал, будто в

какие-то незапамятные времена в Сарове находился какой-то монастырь. Вскоре Егоров узнал, что в 1927 году монастырь закрыли и в его помещениях разместили трудовую коммуну для подростков-беспризорников, а потом колонию системы НКВД, силами которой была построена узкоколейка Саров—Шатки, которая во время войны играла немалую роль. Согласно новому назначению, Егорову предстояло осуществлять наблюдение за строительством в Сарове завода № 550 Наркомата боеприпасов для производства снарядов особой мощности. С помощью узкоколейки закрытое предприятие снабжалось материалами и продуктами.

Жители Сарова и Дивеева, находившегося в двадцати километрах, были в большинстве своем мобилизованы для работы на номерном заводе. Надо было на что-то жить! Егорову было поручено следить, как проходит проверка каждого, кого брали на работу. Он курсировал между обоими городками и обнаружил, что здесь проживает немало бывших монахинь Дивеевской обители и монахов Саровского монастыря. Эти люди никакой любви к коммунистам не испытывали, а некоторые с большим трудом скрывали ненависть к ним. Жители обоих городков не стеснялись кричать вслед властям предержавшим анафему и другие проклятия, однако никаких карательных мер за этим не следовало. У Егорова постепенно выработалось впечатление, что представители власти находятся под влиянием некоего чувства вины и признают упреки вполне справедливыми.

Вскоре Егоров узнал, что Саров и Дивеево истари были местом паломничества верующих со всей России (и даже с разных концов Советского Союза!), приезжавших поклониться мощам Саровского святого старца. В 1922 году рака была вскрыта, однако не разорена окончательно лишь потому, что вокруг Сарова в то время кипела знаменитая антоновщина [9 - Антоновщина - восстание 1920-1921 годов - одно из самых крупных народных восстаний против советской власти в годы Гражданской войны. Мятеж обычно называется антоновским или антоновщиной, по фамилии одного из руководителей восстания, эсера А. Антонова, однако истинным его главой был П. Токмаков, командующий Объединенной партизанской армией и председатель Союза трудового крестьянства. Мятежом были охвачены Тамбовская и частично Воронежская, Пензенская и Саратовская губернии.] и члены комиссии не без оснований опасались, что живьем обратно не вернутся: разъяренные поруганием святыни «лесные братья» их зверски поубивают. Однако в 1927 году, когда обстановка поуспокоилась, начатое было закончено: рака полностью раскурочена, мощи Саровского старца вывезены в Москву и спрятаны в запасники какого-то музея, где след их затерялся, монастыри что в Сарове, что в Дивееве прекратили свое существование, а некоторых из монахов репрессировали. В их числе был некий

Гедеон, брат бывшей монахини Анны, ныне влачившей очень скромное существование в Дивееве. С ней Егоров случайно встретился на улице – и был потрясен тем, что она сразу назвала его имя, отчество и фамилию. Причем вид у нее был такой, словно ей явился призрак.

Недавно Егоров столкнулся с чем-то подобным: на квартире в Горьком, куда его поместили на постой, двое пятилетних детей, Саша Морозов и Женя Васильева, едва увидев его, тоже назвали его имя и фамилию! Тогда, пораженный красотой Тамары, матери Саши Морозова, влюбившись в нее с первого взгляда, Егоров не обратил на это особого внимания, фактически пропустил их слова мимо ушей, а потом вообще забыл – и вспомнил об этом лишь много позже.

К детям Егоров привязался необычайно и не мог отделаться от четкого ощущения, что ответственен за их судьбы. Однако чем дальше шло время, тем больше душа его отвращалась от Тамары и привлекалась к ее подруге Ольге, матери Жени. Именно на ней держался дом, она была стержнем семьи, она заботилась о детях, а еще в Ольге была какая-то тайна, которая манила Егорова. Ольга стала именно тем человеком, который помог ему прозреть простейшую истину... до этой истины доходит – рано или поздно, более или менее тернистым путем, благодаря печальному или счастливому опыту – всякий мужчина: красота душевная важнее красоты внешней!

Тамара была свободна, а Ольга – замужем, причем муж ее находился на фронте. Совесть и честь не были для Егорова пустыми словами, а потому он старался бывать в Горьком как можно реже – благо в Сарове оказался чрезвычайно загружен работой, – а при встречах с Ольгой всячески таил от нее свою любовь и тоску.

В Сарове Егоров чувствовал, что душа его успокаивается... Вообще, чем дольше он здесь находился, тем больше понимал: Саров и Дивеево – места необыкновенные, обладающие особой силой влияния на людей, проникновения в глубины их устремлений. Эти места стали ему родными, и вскоре он уже и сам чувствовал на себе груз ответственности за поругание святыни – мощей Серафима Саровского – и не переставал корить себя за чужую вину.

С матушкой Анной (ему иногда было странно называть женщину младше себя матушкой) Егоров не то чтобы подружился – просто иногда казалось, что она принимает его за какого-то другого человека, а оттого так добра к нему и внимательна. И вот однажды, весной 1942 года, матушка Анна прибежала к

Егорову среди ночи, приведя с собой какого-то дрожащего угрюмого человека, который сообщил, что его зовут Гаврила Старцев, он – диверсант, заброшен сюда гитлеровцами под кличкой Монах в составе группы из трех человек и имеет секретное от своих сообщников задание: отыскать место тайного захоронения мощей Саровского святого, изъять их и переправить через линию фронта, для чего будет послан особый самолет.

Выслушав это, Егоров решил, что Гаврила Старцев не в себе. Он и впрямь имел вид безумца! Какие мощи Саровского святого?! Общеизвестно, что они были, несмотря на протесты верующих, вывезены отсюда в Москву! И чтобы ими интересовалась гитлеровская разведка... Однако Гаврила показал свои фальшивые документы, шифры и походную радиостанцию, с помощью которой ему следовало передавать сообщения в Штаб Валли [10 - Штаб Валли – одно из секретных подразделений абвера (службы военной разведки и контрразведки гитлеровской Германии), которое готовило шпионов для заброски на оккупированную гитлеровцами советскую территорию, а также занималось борьбой с антифашистским подпольем и партизанским движением.], рассказал, где спрятан его парашют. А главное, Гаврила упорно твердил, что у человека, который послал его сюда, у штурмбаннфюрера СС Вальтера Штольца, который готовил их группу к заброске, имелись совершенно конкретные доказательства того, что мощи Саровского святого в 1927 году подменили на останки монаха Марка Молчальника – их-то и отправили в Москву, они-то и затерялись в запасниках музеев! Якобы Вальтер Штолец был дружен с человеком, который сам участвовал в этом опасном деле и оставил дневник, в котором точно указано место подлинного захоронения останков Саровского святого. Прозвище этого человека было Гроза, а настоящее имя – Дмитрий Александрович Егоров.

– Митя... – эхом отозвалась матушка Анна, и Егоров почувствовал, как у него мурашки пробежали по телу.

Они были втроем в казенной квартире Егорова. Матушка Анна, сверкая в полутьме полными слез глазами, сообщила ему, что Гаврила Старцев говорит правду, а у Штольца были верные сведения. Гроза и в самом деле помог Анне, ее брату Гедеону и еще нескольким особо доверенным людям подменить мощи Саровского святого. Однако матушка Анна не могла поверить, что Гроза сообщил эту тайну какому-то человеку или доверил бумаге!

– Дневник, может быть, и есть, – упорно твердила она, – но ни словечком Митя в нем не обмолвился об этой тайне.

– А вы знаете, где это место? – не удержался от вопроса Егоров. – Где спрятаны подлинные мощи?

– Да, – просто сказала матушка Анна. – Но тебе не скажу, прости! Чувствую, что ты из тех немногих, кто тайну эту сохранил бы неприкосновенной, однако я клятву священную дала, что никому ее не открою. Давно это было, тогда меня звали просто Анютой... На костер взойду, а все одно молчать буду, как мой брат Гедеон в лагере близ Алма-Аты молчал – до самого смертного часа своего в тридцать третьем году. – Она перекрестилась. – Однако, Митя, тут дело не только в мощах нашего старца праведного. Слушай дальше, а ты рассказывай, Гаврила! – приказала она.

Гаврила Старцев, сидевший доселе безучастно, лишь изредка крестясь, повиновался. И тогда Егоров узнал, что его сообщники, Анатолий Андреянов (кличка Купец) и Павел Мец (кличка Колдун), имели задание отыскать в Горьком дневник Грозы и выкрасть его детей, которые сейчас под чужими именами живут в доме Ольги Васильевой, на улице Мистровской, дом 7.

– Да ты ж, поди, знаешь их, Митя, – взглянула на Егорова матушка Анна, а когда он в ответ только вытаращил глаза, пораженный до того, что слова молвить не мог, даже спросить был не в силах, откуда это ей известно, она только улыбнулась загадочно и ничего объяснять не стала. И тогда Егоров почувствовал, что спрашивать ничего не нужно, потому что есть на свете вещи, которые невозможно объяснить, которым нужно просто верить.

Гаврила продолжал рассказывать, уточнять подробности, называть имена и приметы. Егоров слушал, стараясь ничего не упустить, а потом рванулся к телефону и принялся звонить в Горький. Спустя час, после долгих переговоров и убеждений начальства, которое никак не могло ему поверить, он вызвал машину и отправился в Горький. Вместе с ним ехал Гаврила Старцев.

– Прощай, Гаврила, – печально сказала матушка Анна, выходя вместе с ними на крыльцо и крестя обоих. – И ты прощай, Гроза. Более уж не увидимся!

– Почему? – встревоженно спросил Егоров.

Однако матушка Анна лишь развела руками и прошелестела:

- Не судьба! А ты терпи, все переживи... родная кровь поможет.

Это непонятное пророчество Анны Егоров вспоминал потом, спустя два года, когда вернулся в Саров. Да, вот так уж вышло, что возвращался он туда почти пять лет!

А тогда...

А тогда он успел перехватить на выезде из Горького машину, в которой Андреянов и его бывший сообщник по темным делишкам в Горьком Сидоров пытались вывезти одурманенных каким-то сонным снадобьем Сашу и Женю. Перепуганный Егоров принялся тормозить их, однако дети, на миг выйдя из этого странного состояния между сном и бодрствованием, пробормотали недружным хором:

- Лялечку убили...

- Ляля умерла...

И, горько всхлипывая, снова впали в дремотное оцепенение.

Егоров, знавший, что Лялей они называли Ольгу, не интересовался более ни судьбой Гаврилы Старцева, ни тем паче Аверьянова, который патетически выкрикивал, что спас детей от обезумевшего Павла Меца, который намеревался их убить, ринулся с несколькими милиционерами, тоже участвовавшими в облаве, на улицу Мистровскую. Он примчался туда как раз вовремя, чтобы спасти от Меца, пусть раненого, но еще очень опасного, Тамару, однако Ольгу спасти не успел: она была убита ударом ножа в горло.

А Егоров не мог даже поцеловать ее на вечное прощание...

Тамара была как безумная: она то звала погибшую подругу, то требовала завязать глаза Мецу. И Егоров понял почему: таких страшных глаз, как у этого человека, - глаз, словно бы скручивающих волю противника, лишаящего его сил сопротивляться, - он не видел никогда, и даже после того, как глаза Мецу в самом деле завязали, Егоров продолжал ощущать страшную опасность,

исходящую от Меца.

Он отправил Тамару к детям, все еще спавшим в его машине, и предупредил, что они уже знают о смерти Ольги.

– Кто им мог сказать? – гневно воскликнула Тамара. – Это жестоко!

– Им никто не говорил ни слова, – ответил он. – Никто ничего не знал, в том числе и я. Это они сами сказали мне... Идите к ним, Тамара. Скажите моим подчиненным, которые охраняют детей, что капитан Егоров позволил вам с ними побыть.

И тут Мец дернулся так, словно его ударило током.

– Гроза! – прохрипел с ненавистью. – Будь ты проклят!

«Так вот оно что! – ошеломленно подумал Егоров. – И он знал Грозу!»

Однако никаких вопросов этому чудовищу он задавать не стал.

– Это ты будешь проклят, Пейвэ Мец, – спокойно произнес Егоров. – Да ты уже проклят.

– Как ты... как ты меня назвал? Откуда ты знаешь это имя?... – простонал раненый.

– Хочешь знать, почему провалилась афера Вальтера Штольца? – с ненавистью бросил Егоров вместо ответа.

И рассказал о том, как Гаврила Старцев добрался до Дивеева, стукнул в окошко к матушке Анне и все рассказал ей, а она привела перебежчика к нему, к Егорову. Он говорил подробно, размеренно, понимая, что причиняет Мецу боль, однако это было его мстью убийце Ольги. И вдруг он заметил, что рядом с Мецем валяется тетрадь в кожаной обложке. Еще не взяв ее в руки, Егоров понял, что это такое.

– Та самая тетрадь, которую хотел получить Штольц! – протянул он изумленно. – Та самая тетрадь...

– Умоляю, – внезапно прохрипел Мец, – прочти, где он спрятал саровский артефакт! Гроза должен был написать об этом!

«Дневник, может быть, и есть, – вспомнились Егорову слова матушки Анны, – но ни словечком Митя в нем не обмолвился об этой тайне!»

Егоров верил ей, и все-таки руки его дрожали, пока он перелистывал страницы... И вот, открыв последнюю, прочел вслух размеренно и четко, чувствуя, что душа его наполняется гордостью за человека, которого он никогда не видел, но который был его тезкой и которого так беззаветно любила матушка Анна... в то время, когда ее звали просто Анютой:

– «История моя закончена, однако я так и не указал, где именно были тайно захоронены останки Саровского святого, где нашел последний приют его светлый призрак. Нет, я не забыл это место – я помню его так живо, словно только вчера я стоял там рядом с Анютой, сестрой Серафимой и Гедеоном. Сначала я хотел открыть тайну на этих страницах – но теперь настроение мое переменялось.

Я должен молчать. Я буду молчать. Никто ничего не узнает!»

– Слышал, Мец? – с издевкой спросил Егоров. – Жаль, что этого не слышит сейчас еще и Вальтер Штольц! – И, обращаясь к своим, скомандовал: – Увезите его. И не снимайте повязку с глаз, он может быть еще опасен.

Мец, впрочем, лежал как мертвый. Так его и уволокли – будто труп.

Егоров собирался отправить Тамару с детьми в какую-нибудь гостиницу, пока в доме будут работать оперативники, однако она наотрез отказалась покинуть дом.

Следователи и милиционеры вскоре ушли, Егоров тоже вынужден был уехать. На другой день должны были начаться допросы задержанных, однако их пришлось отложить: Андреянов во время перевозки в изолятор вдруг попытался

сбежать и был застрелен, Мец же лежал в глубоком обмороке, и врачи опасались за его жизнь.

Таким образом у Егорова появилось время. Он посвятил день тому, чтобы помочь Тамаре похоронить Ольгу, а сам отправился на улицу Воробьева, где помещалось местное управление НКВД. Вошел он туда беспрепятственно – а вышел не скоро, и то под конвоем.

Его обвинили в том, что он не занялся прежде всего расследованием диверсий, которые планировали устроить Андреянов и его группа, а занялся спасением каких-то детей, что не допросил по всем правилам Гаврилу Старцева, который заморочил ему голову рассказами про кости какого-то старикашки, якобы интересующие гитлеровского штурмбаннфюрера. Теперь Андреянов погиб, Мец лежит чуть ли не при смерти, а Гаврила Старцев твердит, что он все уж рассказал товарищу капитану. Все связи диверсионной группы оказались обрублены. В этом обвинили Егорова – надо же было кого-то обвинить! Заодно его упрекали в том, что занялся спасением детей своей любовницы в ущерб делу. И, само собой разумеется, что он без позволения начальства завода номер 550 уехал в Горький.

Потом начались долгие допросы. Гаврила Старцев путался, плакал, твердил, что уже все рассказал товарищу капитану. Егоров уверял, что никаких деталей заброски и предстоящих операций Старцев ему не успел открыть. Ведь он срочно уехал в Горький, чтобы спасти детей и остановить Андреянова!

И допросы начинались сначала... Все это кончилось приговором по 58-й статье – и Егоров был отправлен в лагпункт Унжлага [11 - Унжлаг, или Унженский ИТЛ, – исправительно-трудовой лагерь с центром на станции Сухобезводное Горьковской области.], на лесоучасток № 26. Бывшего капитана госбезопасности приговорили к десяти годам лагерного заключения.

Однако отбыл Егоров ровно половину срока.

Хабаровск, 1957 год

– А ведь ты знаешь, что это грех, – сказала китаянка, бросив на Тамару беглый взгляд из-под очень черных, густо накрашенных ресниц.

Рот гадалки был так мал, что казался ягодкой красной смородины. Когда она говорила, губы почти не шевелились, оттого голос напоминал птичье чириканье. Казалось, она боится малейшим движением лицевых мускулов обрушить белила, пудру и румяна, покрывающие ее щеки и лоб. Это была маска, красивая, тщательно нарисованная маска.

«Интересно, а на ночь она умывается?» – подумала Тамара – и на несколько секунд всерьез занялась размышлениями об этом. Сейчас она готова была задуматься о чем угодно, только бы пропустить мимо ушей слово, оброненное китайкой. Хотя та очень хорошо, почти без акцента, говорила по-русски, грех – «зюньне» – она произнесла на родном языке.

Тамара еще в ту пору, как жила на окраине, в военном городке Амурской флотилии, выучила несколько китайских слов, чтобы общаться с разносчиками воды и продавцами овощей, которых много бегало по нешироким улицам, то и дело выкликая:

– Мадама! Капитана! Ходя вода бери, редиска бери. Деньга, деньга давай!

У китайцев «капитанами» были все мужчины подряд, даже штатские, «мадамами» – все женщины (девочек называли «маленькая мадама»), а слово «ходя» очень многое значило: это «я», «иди сюда», «пришел», «ухожу», «снова приду»... Поэтому русские и прозвали разносчиков ходями – давно, может быть, еще в ту пору, когда Хабаровка была всего лишь заставой на амурском утесе.

У одного ходи Тамара всегда покупала необычайно сладкую редиску, ранние огурцы и помидоры. Имя его было Сунь, но охальник Морозов прозвал его Сунь-иВунь. Сунь, похоже, смысла прозвища не понимал, улыбался да кланялся: мол, хоть горшком назови, капитана, только деньга, деньга давай. Однажды соседка, которая у китайцев ничего никогда не покупала, рассказала, чем они свои щедрые огороды поливают:

– Дерьмом, вот чем! Дерьмом-дерьмищем!

После этого Тамара дала зеленщику от ворот поворот. Он долго топтался возле их дома, взывая:

– Мадама Тамара! Ходя-ходя! Ходя-ходя! – но, наконец, Морозов шуганул его матом, и Сунь убежал, причитая: – Бюхао, зюйнье!

Слова «хао» и «бюхао» – хорошо и плохо – Тамара давно знала, а вот что такое «зюйнье», объяснила та же вездесущая соседка. Грех, вот что.

Тогда женщины только посмеялись, но слово запало в память, – и сейчас, когда его произнесла гадалка, по Тамаре словно электрический ток пропустили.

Стало страшно... Откуда китаянка знает, зачем пришла Тамара?! Может быть, просто погадать!

– Не просто погадать, – проговорила гадалка, качая головой, словно фарфоровый болванчик.

Совершенно такой же болванчик стоял у Тамары в книжном шкафу. Это была прелестная китаяночка в алом халатике и с высокой прической. Сейчас Тамаре показалось, что болванчик похож на гадалку, как две капли воды, и она решила, что, как только вернется домой, немедленно избавится от статуэтки. Или выбросит, или подарит кому-нибудь.

Нет, лучше выбросить! Разбить, а потом – в помойное ведро!

Тамара отпрянула к двери, мечтая в эту минуту только об одном: убежать отсюда, но женщина подняла на нее длинные, узкие, совершенно матовые, без блеска, глаза – и Тамара, как замороженная, вернулась и подсела к столику, покрытому черным шелком, который был расшит белыми хризантемами и золотыми драконами. На столике стояли красные свечи, а рядом, на шелковой зеленой подушечке, кучкой лежали аккуратно нарезанные вощеные бумажки.

Нет, Тамара не уйдет. Ведь это значит поставить крест на ее замыслах – да и на жизни крест поставить. Все потерять! Она у кого только не побывала: и у китайских колдунов и знахарей, и у японских, и у русских – только все напрасно! С нее брали деньги и давали ей какие-то снадобья, Тамара пускала их в ход, но всей измученной, исстрадавшейся, ревнивой душой заранее понимала: толку не будет. И его не было, она не ошибалась. Теперь надежда у нее оставалась только на эту китаянку, обитающую на Казачке, то есть на Казачьей горе, там, где издавна располагалась Китайская слободка, хотя теперь многие

китайцы и переселились оттуда кто куда. Об этой женщине, попасть к которой было ой как непросто, по Хабаровску ходили фантастические слухи как о мастерице по изготовлению приворотных зелий неодолимой силы. Тамара сама знала как минимум два случая, когда приворот этой колдуньи подействовал. Один раз она вернула в семью мужчину, другой раз загулявшая жена вдруг превратилась в образцовую хозяйку и мать.

В общем, если не поможет эта китайская кукла с обвитой нитями амурского жемчуга смоляно-сверкающей прической и в алом ципао [12 - Ципао – китайская национальная женская одежда: распашное платье с застежкой на плече, с высоким воротом и разрезами по бокам.], разрисованном драконами и хризантемами, Тамара совершенно не представляла, что делать, как жить дальше. «Хоть иди да топися в Завит?ю!» – вспомнились восклицания соседки Агриппины Ефимовны. Завитая – какая-то речка в Амурской области, откуда Агриппина Ефимовна была родом, – вспоминалась ей в минуты крайнего отчаяния.

Конечно, ни в Завит?ю, ни даже в Амур топиться Тамара не пойдет – скорее, она утопит Женьку. Хотя черта с два ее утопишь: она верткая, что твоя косатка [13 - Косатка-скрипун – одна из многочисленных амурских рыб.], и такая же колючая, сама кого хочешь утопит! Лучше уж зарезать ее кортиком, который остался от Морозова. Или подушкой придушить...

Несколько мгновений Тамара наслаждалась мечтой о полной свободе от Женьки, о том, что Саша снова полностью принадлежит ей, как раньше, до эвакуации в Горький и до встречи с Женькой и Ольгой, но потом спохватилась, что за убийство придется расплатиться тюрьмой или даже «вышкой» [14 - «Вышка» – высшая мера наказания, смертная казнь – в описываемое время применялась в СССР. Она была отменена в России в 1997 году.], а это означает вечную разлуку с обожаемым сыном, – и несколько поумерила полет своего воображения.

– Зюйнье! – снова чирикнула гадалка, которая словно подслушивала ее мысли.

– Не твое дело! – крикнула Тамара, у которой нервы давно уже были ни к черту, отчего она частенько совершенно теряла власть над собой. Вот и сейчас потеряла. – Если мне нужно будет про грех с кем-нибудь потолковать, я вон к батюшке в Христорожественскую церковь схожу. Так что ты меня не совести, а дело свое делай! Тоже мне, расселась тут, святоша. Гребешь, небось, деньги обеими руками, людям головы морочишь, а туда же, о грехах рассуждать!

Гадалка молча смотрела на Тамару неподвижными черными глазами – то ли пытаюсь проникнуть в смысл множества непонятных русских слов, то ли размышляя, а не выгнать ли оскорбительницу вон. На миг Тамара струхнула и мысленно приказала себе, если ее все же не выгонят, вести себя посдержанней.

– Я сделаю так, как ты хочешь, но ты должна знать, что это принесет тебе зайхуо – несчастье, – мягко произнесла китаянка.

– Я и так несчастна, больше некуда! – буркнула Тамара.

Тонко нарисованные дуги бровей чуть дрогнули, но гадалка ничего не ответила, только слегка повернула голову, – и, повинувшись этому движению, из-за роскошной ширмы вышла девушка, совсем юная, лет пятнадцати, тоже одетая в ципао и шаровары ха-ол. На ногах у нее были ярко расписанные и покрытые лаком соломенные сандалии цао се. Одного взгляда на эти сандалии хватило Тамаре, чтобы понять: в детстве этой девушке ступни не бинтовали, чтобы ножка не росла, а оставалась крошечной, как у ребенка. Пожалуй, у нее 37-й размер, как у самой Тамары. Может быть, она маньчжурка? У них не так распространен обычай бинтовать ноги.

Но нет, несмотря на густой слой краски, сразу было ясно, что у девушки европейские черты лица и голубые глаза. Да и длинная коса, струившаяся по спине, оказалась светло-русой, а не черной. И рот не такой крошечный, как у гадалки, а довольно большой, с пухлыми губами.

– Ты русская? – удивленно спросила Тамара.

– Да, – тихо ответила девушка, прижимая к груди связку тонких лакированных дощечек, которые держала в руках. Голос ее тоже не был китайским – он ничуть не напоминал птичье чириканье.

– Как тебя зовут?

– Тоня. Но госпожа называет меня Тонь Лао.

– Тонь Лао – моя приемная дочь, – проговорила гадалка. – Родители ее были арестованы, отец так и погиб в лагере, а матушка вернулась, живет здесь, в

Хабаровске, однако Тонь Лао успевает и за ней ухаживать, и по-прежнему помогать мне. Долг благодарности – великий долг! Тем, что я ее в свое время приютила, я тоже как бы отдала долг благодарности той русской семье, которая подобрала меня, больную, умирающую, одинокую, вырастила и воспитала.

– Вот почему вы так прекрасно говорите по-русски! – воскликнула Тамара с фальшивым восторгом. – А как вас зовут?

– Ты можешь называть меня просто Ньююанминьг – гадалка, – ответила китаянка, глядя на гостью не то с жалостью, не то с насмешкой, и Тамара поняла, что китаянка чувствует ее острое желание добиться своего – и в то же время страх перед исполнением этого желания.

Хабаровский край, 1957 год

Гроза застигла Ромашова еще в карьере. Грянуло и хлынуло так, что он мгновенно вымок. А спрятаться было негде. До барака, где спали заключенные, бежать не меньше четверти часа. За это время телогрейка и штаны промокнули насквозь, до утра на жалкой буржуйке не просохнут. Значит, идти в карьер на работу придется в сырой одежде. А продувало здесь крепко, особенно после дождей, – так и свистело леденящими ветрами! Если заболит – неизвестно, встанет ли. Простужаться было нельзя: Ромашов и так чувствовал себя изрядно ослабевшим. Последние убийства почти не принесли ему сил: взять у доходяг-зэков было нечего, ибо они сами едва тянули лямку жизни. Иногда он чувствовал себя каким-то побирушкой, который изредка набирает ничтожную милостыньку – только на самое жалкое прожитье, а поесть досыта не на что. В Амурлаге Ромашов часто мечтал о коллективном убийстве, которое позволило бы ему набраться сил не только на исчезновение из лагеря, но и на долгое бегство от погони, на психологическую оборону от преследования, на то, чтобы сбить тех, кто будет его искать, с пути и оторваться так, чтобы окончательно затеряться в тайге. Однако так и не решился на это. Понадобилось бы прикончить не меньше сотни доходяг, чтобы получить столько сил, это неосуществимо!

В 1942 году Ромашов был арестован, а в 1943 году осужден за убийства и измену Родине. Он знал все способы и методы допросов, во время службы в НКВД не раз в них участвовал в качестве дознавателя и был твердо намерен выдержать все,

что уготовила ему судьба. В Горьком, когда Егоров сообщил, что Гроза так и не рассказал в своем дневнике, где спрятан саровский артефакт, Ромашов чувствовал себя совершенно опустошенным и подавленным, неспособным на сопротивление постигшей его катастрофе. Однако позднее он ощутил, что Ольга Васильева передала своему убийце куда больше сил, чем думал он сам. Именно живая молодая энергия Ольги помогла Ромашову выдержать допросы. Иногда ему даже удавалось абстрагироваться от своего тела и как бы покинуть его оболочку, чтобы не воспринимать боль. Неплохо помогали и прежние усилия развить в себе мазохизм – так что терпеть побои он мог чуть ли не с удовольствием.

Впрочем, вскоре Ромашов понял, что расходует себя напрасно и сам осложняет свое положение. Лучше направить все силы на то, чтобы уводить все беседы в сторону от предложенной темы, ускользать от опасных вопросов, сбивать с толку следователей и внушать им, что их вполне устраивают расплывчатые, уклончивые ответы преступника. Это удавалось тем более легко, что очных ставок с бывшими его сообщниками не проводилось: Андреянов был застрелен еще в Горьком при попытке к бегству, а Гаврила Старцев, который, собственно говоря, и «сдал» их группу, сошел с ума, не выдержав того, что сослужил добрую службу ненавистным коммунистам.

Ромашов иногда задумывался: а не симулировал ли Гаврила сумасшествие, чтобы от него отстали, и не попытаться ли ему самому пойти по проторенной дорожке? Все-таки он несколько лет провел в психиатрической клинике Кащенко, есть опыт...

Однако не рискнул: выдержать то, что выдержал однажды, он вряд ли смог бы еще раз! Да и вряд ли ему поверили бы. Один раз он избежал расстрела благодаря истинному, а не мнимому сумасшествию, но второй раз этот номер уже не пройдет.

К сожалению, силы, отнятые у Ольги, скоро кончились. Но тут Ромашову очень повезло: автозак, на котором его однажды перевозили, заюзил на скользкой дороге и перевернулся. Ромашов получил только ушибы, тогда как охранник его с окровавленной головой лежал на полу. Ромашов добил его ударом по шейным позвонкам сзади (их перелом выглядел вполне естественным после аварии!) и успел надышаться уходящей жизнью, прежде чем их – живого и мертвого, убийцу и жертву – вытащили из машины.

Никому, разумеется, и в голову не пришло, что к гибели охранника приложил руку валявшийся без сознания заключенный. Ромашов и в самом деле потерял тогда сознание, не в силах справиться с захлестнувшим его мощным приливом энергии.

Конвоир был крепким молодым мужиком, им Ромашов «питался» довольно долго и добился с помощью остатков этой силы перевода в общую камеру. Ему необходимо было набраться энергии перед предстоящим судом, а получить ее можно было только через новое убийство.

Ночью Ромашов, выбрав того из сокамерников, кто был помоложе и покрепче, ударил его через мокрое полотенце – чтобы не оставались следы – под левый сосок. Это был один из нескольких смертельных ударов, которым его, как и других сотрудников, некогда обучали инструкторы НКВД. Он не сомневался, что тюремный врач констатирует идиопатическую [15 - Идиопатический – медицинский термин, который означает: возникающий самостоятельно, по неустановленной причине.] внезапную смерть от остановки сердца, а вскрытия никакого не будет. Кому это нужно – трупы эков вскрывать?!

Так и случилось.

До самого утра Ромашов пролежал, тесно прижавшись к телу убитого им человека, впитывая покидающую его жизнь и восстанавливая свои угасшие силы. Наутро он израсходовал все, что получил ночью: израсходовал на мощные посылы тем, кто должен был определить его участь. В 1918 году, когда покойный Николай Александрович Трапезников в Сокольниках учил его и ненавистного Грозу подчинять людей своим мыслительным посылам, у Павла Меца (именно так называли тогда Ромашова) ничего не получалось. Понадобилось немало времени, прежде чем он понял: только энергия убийства высвобождает его гипнотический дар и придает ему неодолимость!

Кстати, с некоторых пор Ромашов заметил, что впитываемая им психическая энергия влияет не только на его сознание, но и на внешность. Те воспоминания и жизненный опыт убитых им людей, которые напрасно отягощали его память, он с легкостью от себя отбрасывал, однако кровь оказывала влияние и на физиологические процессы, происходящие в организме. Почему-то левый глаз начал менять цвет. Среди заключенных был врач-офтальмолог, который сообщил Ромашову, что у него какой-то там хронический увеит, редкое заболевание, которое обострилось под влиянием тяжелых условий и нервных

переживаний. Ромашов соглашался, кивал, однако не сомневался, что все дело в этих чужих жизнях, которые он иногда поглощал...

Суд закончился для него не расстрельным приговором, а двадцатью годами лагеря. Его отправили в Амурский исправительно-трудовой лагерь, иначе говоря, Амурлаг.

Ромашов попал на восточный участок Байкало-Амурской магистрали, которую еще в 1932 году начал прокладывать трест «Дальстрой» силами вербованных рабочих и которая сокращенно называлась Б.А.М [16 - В описываемое время эту аббревиатуру писали с точками.]. Вскоре выяснилось, что для сооружения «второго Транссиба» не хватает рабочих рук, и строительство передали в ведение ОГПУ. Теперь этих рук стало с избытком...

Ромашов, который оказался на восточном участке магистрали в 1943 году, понаслышке знал, что железных вышек по периметру, окруженному колючей проволокой, раньше и в помине не было. Лагерь был окружен плетнями, оттого часто случались побеги, но беглецов ловили почти сразу. Некоторые возвращались сами, испугавшись дикой тайги. Срок беглецам продлевали на два года. За повторную попытку отправляли на Колыму.

Но вскоре все изменилось. Надвигалась неминуемая война с Японией, остро нужен был обходной путь подальше от границы: теперь Байкало-Амурскую магистраль сооружали ускоренными темпами и охрана была усилена в разы. Заключение восстанавливали насыпи, разрушенные временем, прокладывали дороги, валили лес. Однако, когда сдали участок Комсомольск-на-Амуре-Ургал, с империалистической Японией уже покончили, магистраль утратила свою острую необходимость, строительство было остановлено, Амурлаг расформирован, контингент отправлен в другие ИТЛ. А тут грянула и амнистия 1953 года... Правда, дела пересматривали довольно долго, поэтому тех, кто заслужил ударным трудом послабление и мог рассчитывать на досрочное освобождение, собирались пока что переправить на юг Хабаровского края, в район Бикина, для работы в гравийном карьере. В основном там трудились вербованные и местные из окрестных сел, а для тридцати заключенных построили только один барак, и охрана была не самой суровой, ведь рисковать и ударяться в побег накануне того дня, когда ты мог быть освобожден по амнистии, дураков не находилось!

Работа в гравийном карьере считалась самой легкой. Накануне решения своей судьбы Ромашов убил очередного соседа по бараку - и, напившись новой

порцией психологической энергии (правда, порция эта оказалась весьма скудной!), добился того, чтобы его отправили в отряд, который находился в районе Бикина.

Рассказывали, этот карьер еще в 1912 году начали копать именно каторжники, которые проложили и отсыпали гравийную дорогу до ближайших поселков и до тракта. Однако дело осталось недоделанным, потому что пронзительные ветры и частые дожди сводили в могилу слишком многих заключенных, живших в убогих студеных бараках. Потом разразилась Первая мировая война, стало не до этих дорог в таежных чащах, и только в начале пятидесятых снова началось благоустройство затерянных в глуши поселков и городков.

Да, заключенные пользовались относительной свободой передвижения. На ночь их запирали в бараке, возле которого стояла охрана. Ну, и в карьер отводили под конвоем. Но сама работа оказалась тяжелой, паек – скудным. Силы быстро истощались, а окружали Ромашова сплошные доходяги, которые вряд ли дотянули бы до амнистии. То, что удавалось получить от них, едва-едва позволяло ему выживать...

Хабаровск, 1957 год

– ...Послушай, быть может, ты передумала? – вдруг спросила Ньюжюанминьг. – Быть может, ты испугалась греха? Это было бы хорошо для тебя!

– Нет! – Тамара мотнула головой так решительно, что у нее заломило шею. – Нет, ни за что!

– Жаль. Ведь они все равно узнают правду, – ласково сказала гадалка. – И очень скоро. Если бы ты сказала им прямо сейчас, если бы все объяснила и попросила прощения...

– Нет! – закричала Тамара, срываясь на визг. – Делай, что я прошу, или я уйду!

Гадалка чуть пожала плечами и бросила на Тонь Лао повелительный взгляд. Девушка слегка шевельнула руками. Дощечки издали едва слышный перестук, напоминающий легкие торопливые шажки.

– Лихуабань [17 - Лихуабань – древний китайский музыкальный инструмент.] просит тебя умолкнуть, – сказала китаянка холодно. – Ты и так сказала слишком много. Я все поняла. Ты не желаешь сойти с намеченного пути. Что на сей счет скажет Чжоу И? [18 - Чжоу И – Книга перемен.]

Она снова взглянула на Тонь Лао, и та резко щелкнула своими дощечками прямо над кучкой воощенных бумажек. Звук был так силен, что колебание воздуха заставило одну из них отлететь в сторону. Тамара успела увидеть, что одна ее сторона испещрена какими-то линиями: сплошными и прерывистыми.

Девушка взяла бумажку свободной рукой и показала госпоже.

Тамара удивилась, что все делает Тонь Лао, а руки гадалки безвольно лежат на столе, совершенно прикрытые длинными рукавами.

Нююанминьг посмотрела на листок и покачала головой, исподлобья глядя на Тамару:

– Своими желаниями ты приведешь в действие страшные силы... Согласно книге Чжоу И, предсказание Чжунь гласит, что у тебя все будет валиться из рук, не давая результата. Тебе следует быть терпеливой, прислушаться к советам женщины. Об удачливости, везении в делах в данный момент не может быть и речи.

– Да я ведь затем к тебе и пришла, чтобы к твоим советам прислушаться, – зло бросила Тамара.

– Но ведь я тебе советую расстаться с твоим замыслом, – мягко ответила гадалка. – Только об этом и твержу.

– Да ты меня ни разу не спросила, чего я хочу! – сердито воскликнула Тамара. – Ты разговариваешь со мной так, будто все знаешь заранее!

– Я и правда знаю, – кивнула Нююанминьг. – Но хорошо, говори, чего ты хочешь.

Тамара глубоко вздохнула. Все было продумано и не единожды передумано, однако рассказать об этом оказалось гораздо трудней, чем ей казалось.

Запинаясь и с трудом подбирая слова, она попыталась объяснить, чего желает и почему. Нюзюанминьг сидела с опущенными глазами, Тонь Лао тоже не смотрела на Тамару, однако дощечки чуть слышно постукивали, потому что руки девушки дрожали от волнения.

Внезапно еще одна вощенная бумажка отлетела в сторону, и Тонь Лао испуганно уставилась на госпожу. Но та спокойно кивнула, и девушка показала ей листок.

Нюзюанминьг чуть шевельнула дугами тонких бровей:

- Удивительно... Теперь Чжоу И побуждает меня помочь тебе! Предсказание Цянь, Смирение, гласит: «Неразумно спорить с Судьбой». Итак, предоставим тебе идти своим путем, покоряясь Судьбе.

Тамара перевела дыхание, но с облегчением или со страхом, она и сама бы не могла сказать.

- У тебя есть портреты этого мужчины и этой женщины? - продолжала Нюзюанминьг. - Если есть, то нужный дюю [19 - Дюю - напиток (китайск.).] я дам тебе уже сегодня. Если нет, мне придется послать с тобой Тонь Лао, чтобы она нарисовала их и принесла их изображения мне. Их образы должны оставаться здесь до тех пор, пока не случится то, чего ты хочешь. Потом ты их сможешь забрать.

- Да, у меня есть фотографии!

Тамара поспешно открыла сумочку и вынула два снимка размером с почтовую открытку. Сделаны они были три года назад (после того как Саша и Женя окончили школу) в лучшем ателье Хабаровска. Снимки стоили дорого, но получились великолепными: на плотной бумаге с зернью, тонированы в коричневый цвет, - однако Тамара их ненавидела. Саша и Женя были здесь до такой степени похожи друг на друга, что Тамара каждую минуту ожидала, вдруг кто-нибудь воскликнет: «Да ведь это брат и сестра!» - и диву давалась, как же никто этого ужасного сходства не замечает. На всякий случай она спрятала все отпечатки и негативы, которые отдал ей фотограф, а детям сказала, будто потеряла их.

Женя тогда очень огорчилась и горестно вздохнула:

– Жалко, я там получилась такая хорошенькая!

– Да ты и так самая хорошенькая на свете, – ласково ответил Саша, погладив ее по руке.

Именно тогда у Тамары впервые зародился ее план. Все эти годы она, впрочем, никак не могла с ним смириться, представляя в подробностях, чего именно хочет добиться, и сходя при этом с ума от ревности и отвращения. Однако чем пристальней она наблюдала за отношениями Женьки и Саши, тем острее понимала: надо бороться, если не хочет окончательно потерять сына. И то, что она придумала, будет единственным средством разлучить их навсегда.

Нет, не просто разлучить, ибо вслед за всякой разлукой приходит встреча, – вызвать в них такое омерзение друг к другу, чтобы даже мысль о возможной встрече казалась им хуже смерти!

...Тонь Лао взяла у Тамары фотографии и по одной показала их гадалке.

– Они очень красивы, – задумчиво сказала Ньююанминьг.

– Особенно он! – восторженно воскликнула Тонь Лао, и Тамара бросила на нее острый взгляд: а может быть, удастся обойтись, как говорили в войну, малой кровью и на чужой территории?..

Но тут же покачала головой и забормотала: конечно, девушка хорошенькая, но очень уж молоденькая, и вообще, таких хорошеньких вокруг Сашки всю жизнь крутится несчитано, а толку? Даже если он и переспал с какой-нибудь из них (в чем Тамара сомневалась, ибо Саша был сдержанным, застенчивым парнем и относился к девушкам с каким-то забавным, чуточку насмешливым уважением, хотя и флиртовал с ними напропалую), это не повлияло на его отношения с Женей, которая оставалась для него самым близким и дорогим человеком. Ближе и дороже родной матери, которую он так ни разу и не назвал матерью! Она так и осталась для него Тамамой...

Ах, кто бы знал, как это ее обижало! Но Саше она могла простить все.

И то, что случится после того, как она уйдет от этой гадалки, тоже простит. Простит и забудет! Потому что это наконец-то избавит ее от Женьки!

Нююанминьг прочирикала несколько слов по-китайски. Тонь Лао кивнула и зашла за ширму. Почти сразу резко запахло какими-то курениями и травами.

- Что она делает? - насторожилась Тамара.

- Готовит дюю, - спокойно ответила гадалка. - Тот напиток, который нужен тебе.

- А почему это делает она, а не ты? - сердито спросила Тамара. - Она всего лишь твоя помощница, вдруг что-то напутает, - как ты узнаешь?

- Я хорошо обучила Тонь Лао, к тому же чувствую запах каждого снадобья, которое она добавляет в дюю, - улыбнулась Нююанминьг. - Пока она не сделала ни одной ошибки. Если какой-то запах меня насторожит, я немедленно остановлю Тонь Лао.

- Никогда не слышала о таком! - недоверчиво буркнула Тамара. - Все-таки мне бы хотелось, чтобы ты сама приложила к этому делу руки.

Крошечный ротик Нююанминьг дрогнул, но не в улыбке, а в болезненной гримасе, а потом она приказала:

- Подними мой правый рукав.

Тамара удивленно взглянула на нее, но все же осторожно сдвинула красный шелк повыше, потом еще выше... и громко ахнула, увидев аккуратно перебинтованную белым полотном культю. Рука гадалки оказалась обрублена чуть ниже локтя.

Тамара торопливо опустила рукав и отпрянула.

- С левой то же самое, - сообщила Нююанминьг. - Теперь ты видишь, что я не могу к чему бы то ни было «приложить руки». Девочкой я работала на плантации сахарного тростника, подсовывала стебли под пресс. До сих пор помню, что он

казался мне чудищем, беспрестанно жующим сладкую жвачку... Трудились мы по четырнадцать-пятнадцать часов, очень уставали. Однажды я задремала, и под пресс затянуло мои руки. Не понимаю до сих пор, как выжила... Помещик, хозяин плантации, меня прогнал: ведь я больше не могла работать. Сидеть на шее у моей семьи я не могла. Ушла из дому, нищенствовала, хотела расстаться с жизнью, но меня подобрала одна русская семья, которая потом вернулась в Советский Союз и взяла меня с собой.

- У них не было своих детей? - недоверчиво спросила Тамара, не понимая, с чего этим людям понадобилось навязать себе такую обузу - безрукую девчонку, которая даже в хозяйстве не сможет помочь.

- Я спасла им жизнь, предупредив об опасности, - просто ответила гадалка. - Их собирались убить гоминьдановцы [20 - Гоминьдан, или Чжунго Гоминьдан, - Китайская Национальная народная партия. Гоминьдан вел вооруженную борьбу с Коммунистической партией Китая за право управления страной. В 1949 г., когда власть в стране полностью взяли в руки коммунисты и гражданская война окончилась, гоминьдановскому правительству, потерпевшему поражение, пришлось бежать на Тайвань.]. Я иногда умею заглядывать в будущее... и близкое, и далекое. Не только с помощью Чжоу И, но и своими силами. Именно поэтому я и достигла таких успехов на своем поприще. Я могу очень многое. Я только не могу никого убить. Даже если только попытаюсь сделать это, моя сила мгновенно иссякнет.

- Что ж ты не смогла в свое собственное будущее заглянуть и руки от пресса пораньше отдернуть? - поддела Тамара с неожиданной злостью.

- Эти способности пробудились у меня позже, когда я умирала с отрубленными руками, без всякой помощи. Они как бы спали раньше, а потом проснулись, - пояснила Нюэюанминьг. - Через несколько лет эти добрые люди, мои приемные родители, уехали в Москву, а я осталась в Хабаровске, потому что вышла замуж и жила очень счастливо. Однако вскоре мой муж заболел и умер. Тогда я приютила бездомную сироту Тонь Лао. Она помогает мне, когда приходят посетители, убирает в доме и готовит. За это я обучаю ее некоторым премудростям своего ремесла. Она прилежная ученица, но, к сожалению, никаких способностей к предвидению у нее нет.

- А ты встречала других людей... ну, с какими-то способностями? - осторожно спросила Тамара, которая никогда не забывала о тех странностях Саши и Жени,

на которые она нагляделась в Горьком. К счастью, ничего подобного с тех пор не проявлялось, во всяком случае, Тамара такого не замечала. Вернее, предпочитала не замечать, что рядом с Сашей у нее всегда переставали болеть ноги (как застудила колени еще в сорок первом, в Старой Пунери, так до сих пор маялась перед дождями или снегопадами) и вообще проходила любая боль, да и Морозов с его грудной жабой умирал без мучений, потому что Саша ухаживал за ним... А Женька всегда каким-то неведомым образом находила тех, кто иногда шарил по карманам в школьной раздевалке или хитничал в чужих огородах и курятниках... Правда, историю, которую наплела Женька, когда соседкин сын влез к ним в дом, чтобы ограбить, Тамара вообще не приняла всерьез. Ничего она не могла знать и предугадать, все это Женька выдумала, чтобы лишний раз повыставляться!

...Нюзюанминьг пожала плечами:

– Всяких я людей видела. Иные даже не подозревают о том, чем владеют. Дар их спит до поры до времени, но потом просыпается.

– Просыпается? – упавшим голосом переспросила Тамара. – А это обязательно? Он может никогда не проснуться? Спать до конца жизни?

Ответить гадалка не успела – из-за ширмы вышла Тонь Лао, держа в руках красивую бутылку темного стекла с притертой пробкой.

– Вот, – сказала Нюзюанминьг, кивнув на бутылку. – Вылей это в горячее питье. Пусть выпьют вместе.

Тамара дрожащими руками взяла бутылку и спросила:

– И что будет?..

– То, чего ты хотела, – ответила гадалка и кивнула Тонь Лао: – Давай-ка еще раз спросим Чжоу И. На дорожку! Узнаем, чем все это кончится.

Тонь Лао схватила лежавший на краю стола лихуабань и легонько перебрала дощечки. Клочок воцеленной бумаги взлетел над столом и опустился рядом с Тамарой.

– Возьми и покажи мне, – велела Ньююанминьг.

Тамара, одной рукой прижимая к себе бутылку, другой перевернула листок, исчерканный непонятными палочками, и уставилась на них. Они располагались в столбик, одна над другой. Сначала шла прерывистая палочка, затем ровная, затем опять прерывистая, ровная, и ниже две прерывистых одна под другой.

– Это символ Цзянь, Препятствие, – раздался голос гадалки. – Он гласит, что чем больше сил ты прилагаешь к достижению цели, тем меньшего сможешь добиться. Теперь прощай. Иди домой, только не забудь отдать Тонь Лао деньги.

Горький, 1946 год

Весной 1946 года Дмитрия Егорова вызвал начальник лесоучастка, а потом его повезли в Сухобезводное, в управление ИТЛ. Там ждал человек с погонами капитана НКВД. Ничего не объясняя, велел Егорову сесть в машину. На вопросы он не отвечал, только однажды сказал, что все разъяснится в Горьком.

Там, в номере ведомственной гостиницы, Егорова ждал человек, увидев которого он не поверил своим глазам. Это был его троюродный брат – Павел Михайлович Зернов. Виделись они в последний раз много лет назад: когда умерла мать Зернова, двоюродная тетка Егорова. И она, и мать Дмитрия Александровича происходили из бедных крестьянских семей, жили тяжело, да еще и судьба разбросала потом, вот так и вышло, что их сыновья редко встречались, однако Егоров был наслышан об успехах троюродного брата.

Им обоим помогла подняться советская власть. Егоров служил в армии, потом окончил школу НКВД, для того чтобы остаться на службе в органах госбезопасности. А Зернов ушел в науку. Он окончил Высшее техническое училище имени Баумана, и его научная работа в области дизелестроения еще в студенческие годы была удостоена премии и диплома Академии наук СССР. На Зернова обратили внимание в правительстве, и далее карьера его развивалась стремительно. Он стал заместителем народного комиссара среднего машиностроения СССР, с июня 1940 по декабрь 1942 года работал председателем Всесоюзного Комитета стандартов, был заместителем наркома танковой промышленности...

Егорову никогда не требовалась поддержка влиятельного родственника: он и сам вполне успешно продвигался по службе. Да и не обратился бы он к Павлу даже в случае надобности – в голову такое прийти не могло: гордость не позволила бы. Наоборот, Егоров старался держаться от троюродного брата подальше, чтобы даже перед самим собой не стыдиться потом возможной протекции. Не подумал он просить Зернова о помощи и во время заключения. Более того! Егоров очень боялся, как бы кто-то не наткнулся на факт их родства, потому что это могло серьезно повредить Павлу. И не такие высокие чины слетали из-за опального братца, пусть даже троюродного! И вдруг увидеть его в Горьком...

Павел Михайлович держался на равных, без малейшего оттенка снисходительной покровительственности. Сказал, что все злоключения (он так и выразился – злоключения) Егорова закончились, вопрос о его реабилитации будет решен в самое ближайшее время, потому что никакого состава преступления в его действиях следствие не обнаружило. Его восстановят в звании. Человек, который подвел его под статью, пытаясь выслужиться, наказан. Сейчас Егоров приведет себя в порядок, после этого они поужинают, переночуют в Горьком, а наутро отправятся в Саров. Там Егорова ждет работа.

Он пытался узнать о подробностях, однако Зернов покачал головой:

– Все потом, Митяй. Сначала ванная, парикмахер и ресторан. А поедем – тогда и поговорим толком.

...По дороге в Саров оба клевали носами в «газике» – досыпали, потому что почти вся ночь прошла в разговорах.

Егоров узнал о том, что Государственный комитет обороны еще в феврале 1943 года утвердил программу научных и технических исследований по практическому использованию «внутриатомной» энергии, которые осуществляла Вторая лаборатория Академии наук СССР. Эти исследования следовало развернуть в удаленном и изолированном месте, где возможно было бы создать специальный научно-производственный центр для разработки новой бомбы – атомной.

Еще с конца 1945 года шел поиск места для размещения сверхсекретного объекта. Вскоре Зернова назначили директором базы № 112 Главгорстроя СССР.

Здесь разрабатывали конструкции опытных образцов реактивных двигателей и начали их изготовление, что фактически означало создание ядерного оружия в СССР. Зернову же предстояло формировать коллектив КБ-11, заниматься строительством лабораторных зданий, создавать экспериментальную базу, на которой велись все необходимые научно-исследовательские и конструкторские работы по подготовке конструкции первой отечественной атомной бомбы. Но сначала следовало найти подходящее место. Среди множества вариантов был и Саров, где размещался завод № 550 Наркомата боеприпасов.

В конце апреля 1946 года Юлий Борисович Харитон [21 - Юлий Борисович Харитон (1904–1996) – советский и российский физик-теоретик, один из руководителей советского проекта атомной бомбы. Трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и трех Сталинских премий.], главный конструктор проекта, и Зернов, которому предстояло осуществлять материальное обеспечение, осмотрели Саров и остановили свой выбор на нем.

По пути заехали в Дивеево. Здесь к Зернову на улице подошла незнакомая женщина, по виду – монашка, хотя и одетая в мирское, и сказала, глядя своими голубыми глазами не в лицо ему, а как бы в самую душу:

– Помощников себе ищешь? Так поищи вокруг себя! Негоже, Павел, брата забывать, когда он безвинно страдает. А не поможешь ему, не видать тебе удачи!

Пока Зернов стоял, не в силах скрыть полное ошеломление, женщина исчезла, причем он совершенно не смог бы сказать, в каком направлении она ушла. Исчезла, другого слова не подберешь!

Откуда она знала, как зовут Зернова? И откуда знала, что у него есть брат?!

У Павла Михайловича не было других братьев, кроме троюродного – Дмитрия Егорова, которого он всю жизнь шутливо называл Митяем. И тут он вспомнил, что уже много лет ничего не слышал о Митяе. С самого начала войны!

Зернов не стал бы тем, кем он стал, если бы не умел соображать быстро и связывать концы с концами. Поэтому он мигом смекнул, что эта неизвестная женщина – или ведьма, или знакома с Егоровым. В ведьм Зернов не верил – оставался второй вариант.

Но где Дмитрий мог познакомиться с этой женщиной? Неужели он бывал в Дивееве или в Сарове?

Зернов провел стремительное расследование и выяснил, что и в самом деле – его троюродный брат трудился в составе особой части завода № 550, причем с самого момента его создания. Он был на хорошем счету, взысканий не имел... однако весной 1942 года исчез. Обвинения против него казались странными и смутными, однако приговоры выносили и при более расплывчатых обвинениях. Был приговорен и Егоров. Сейчас он находился в лагере.

Зернов имел достаточную власть, чтобы потребовать нового расследования дела, по которому пострадал Егоров. Вскоре весы советской Фемиды качнулись в обратную сторону: начальство областного НКВД было в курсе, объект какого значения должен строиться в Сарове, и всякая просьба фактического руководителя этого строительства была наравне с приказом.

К счастью или к несчастью, однако таких невероятных историй, которая произошла с Егоровым, судопроизводство тех лет насчитывало немало. Так что он не стал еще одним счастливым среди тех, кого судьба, «играя человеком», выдернула из бездны и если не вознесла высоко, то хотя бы вернула к нормальной жизни.

Уже на другой день после встречи с Зерновым Дмитрий Александрович возвращался в Саров. По пути он упросил Павла Михайловича хоть на десять минут задержать машину на углу одной из центральных улиц и переулками бегом бросился на Мистровскую.

Хабаровский край, 1957 год

Ромашов начал присматриваться к вольнонаемным работникам, которые трудились в карьере шоферами. Одним из них был молчаливый великан Степан Крамаренко – добродушная гора мускулов с непропорционально маленькой головой. Несколько раз Ромашов проверял: Степан отлично реагировал на мыслительные послы, ибо его неразвитый мозг не был способен к какому бы то ни было сопротивлению. Ромашов наметил себе Степана следующей жертвой –

на его энергии можно было протянуть дольше, чем на тех «объедках», которые Ромашов получал от заключенных.

Убийство Степана Ромашов планировал именно на вечер, потому что незаметно подобраться к великану днем он не мог. Ему удалось внушить водителю, что грузовик его неисправен и тот должен допоздна возиться с мотором, отыскивая и не находя несуществующую поломку. Оставлять технику в нерабочем состоянии было нельзя – за это вольнонаемные легко могли перейти в разряд «контингента», поэтому можно было не сомневаться, что Степан задержится с ремонтом до темноты.

Темнота Ромашову была очень нужна! Убить Степана днем он не мог, потому что боялся не справиться с тем приливом энергии, который обрушился бы на него после гибели этого великана. Он помнил, как, неожиданно получив двойную порцию живой энергии после того, как прикончил в Сокольниках двух сестер, Галю и Клаву, – а вышло это почти нечаянно! – никак не мог справиться с их жизненной силой. Его тогда не оставляло ощущение, будто он надут, как воздушный шар, и в любой миг может оторваться от земли и улететь. Цепляясь за деревья, Ромашов добрал тогда до сельмага и набил брюхо плохо пропеченным хлебом, запивая его сладким лимонадом, чтобы хоть как-то утяжелить, заземлить себя. Странностью своего поведения после убийства он опасался привлечь к себе подозрения.

А самое главное, днем Ромашов не смог быть напитаться кровью, а именно это как бы закрепляло полученные им силы в организме, а также почти мгновенно врачевало все раны, шрамы и увечья, которых на теле Ромашова набралось уже немало. Он не мог забыть, как кровь Виктора Панкратова за считанные минуты вылечила два его пулевых ранения...

Он должен был убить Степана не украдкой, одним ударом, как убивал других, а ножом. Должен был зарезать его!

Метнуть в Степана нож, как в Ольгу Васильеву, не удалось бы: такого ножа у Ромашова просто не было. Но вчера он украл из ящичка с шоферскими инструментами острую отвертку, напоминающую заточку [22 - Зато?чка – самодельное холодное оружие заключенных, изготовленное по типу шила или ножа.], спрятал ее в карьере, запомнив место так, чтобы мог найти его и в темноте, и не сомневался, что ему удастся ткнуть Степана в сердце, зайдя сбоку.

После того как прошла вечерняя поверка, Ромашов выбрался из барака через печную трубу. За время лагерной жизни он стал неплохим печником, и полгода назад, когда перекрывали прохудившуюся крышу барака, построенного еще в начале века, и чинили развалившуюся трубу печки-каменки, совершенно случайно обнаружил, что из широкой печки можно вылезти через трубу на крышу. Что он в нужный момент и сделал.

Потом Ромашов пролез под «колючкой» в укромном месте, в кустах, выждав, когда охранник, шлявшийся по периметру лагеря, отойдет подальше. Собак спускали редко: этих зверюг побаивались сами охранники, особенно когда – совсем недавно – пес набросился на одного из часовых и жестоко искусал его. Псину, конечно, пристрелили, но это напугало охранников. Да и зачем собаки? Эти доходяжные зэки терпеливо ждут амнистии и даже не думают о побегах. Пусть псы в вольере грызутся между собой!

Иногда Ромашов позволял себе помечтать о том, как однажды убежит через этот лаз и скроется в тайге. Однако знал: сил не хватит. Но теперь, после того как он прикончит Степана...

Конечно, придется сначала поднакопить продуктов. Это дело долгое, потому что все придется хранить в самом строжайшем секрете. Надо будет подыскать место, где устроить тайник...

После объявления амнистии минуло уже почти два года, а документы с приказом об освобождении все не приходили. Что, если они не придут вообще? Что, если придется рассчитывать только на себя? Тогда силы Степана пригодятся, ох как пригодятся...

Ромашов строил планы, мечтал, надеялся, однако все пошло прахом, потому что Степана на месте – в карьере – почему-то не оказалось.

Грузовик стоял под навесом, а шофера не было.

Ромашов настороженно вглядывался в темноту, надеясь, что Степан просто отошел по нужде и вот-вот вернется. Он собирался еще подождать, однако тут грянула гроза, и Ромашов понял, что замысел его рухнул.

Сегодня точно ничего не выйдет. Надо возвращаться в лагерь, да поскорей!

Оскальзываясь, падая в лужи, обходной дорогой он взобрался на крутой склон, напряженно размышляя, почему нет Степана.

Что-то с внушением пошло не так. Но что, почему?!

И внезапно Ромашов понял, что и почему. Да ведь металл, которым был защищен Степан, находившийся в кабине грузовика, экранировал мысленный посыл, ослаблял и мог даже вовсе свести его на нет! Ромашов сразу вспомнил опыты, которые некогда проводились в СПЕКО [23 - СПЕКО - эта аббревиатура обозначала 9-й отдел ГУГБ (Главного управления государственной безопасности) НКВД СССР (до 25 декабря 1936 г. - Спецотдел ГУГБ НКВД), которым до июня 1937 г. руководил Г. И. Бокий.] у Бокия [24 - Бокий Глеб Иванович (1889-1937) - революционер, видный оккультист, сотрудник советских спецслужб, комиссар государственной безопасности 3-го ранга. Расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.]. Официально основным направлением работы отдела считалась криптография - шифровка и дешифровка секретных документов, - однако на деле Бокий огромное внимание уделял технике гипноза и передаче мыслей на расстоянии. Само собой, эти опыты велись в строгом секрете. С Бокием тогда сотрудничал «дедушка Дуров» [25 - Дуров Владимир Леонидович (1863-1934) - знаменитый дрессировщик, секретный сотрудник СПЕКО.], и он-то первым предложил использовать металлические сетки для защиты от посторонних внушений. Насколько знал Ромашов, агенты иногда выходили на задержание, укрытые такими металлическими сетками, - тонкими, почти как газовая ткань. И как раз потому, что в погоню за Грозой агенты пошли без металлического прикрытия, ему и удалось навязать им свою волю...

Сверканье молнии, громовой разряд совпали с воспоминанием о человеке, которого Ромашов с ранней юности считал своим опаснейшим врагом, - и он замер, пораженный, как молнией, новой догадкой, на сей раз пугающей. А ведь эта гроза погубит его так же, как погубила напрасная погоня за детьми Грозы! Конечно, ему удастся тайно вернуться через трубу в барак, но что толку? Мокрая одежда до утра не высохнет. Она выдаст охране, что заключенный Мец выходил ночью из барака!

Двери заперты и заложены снаружи, окна тоже. Мысль о печной трубе только дураку в голову не придет! Попытка побега? Без сомнения!

Можно не гадать о том, каким будет наказание: карцер, а потом новый срок – уже на безвозвратной Колыме...

Ромашов был так потрясен подножкой, которую в очередной раз подставила ему судьба, что замер, согнувшись, на какие-то мгновения совершенно потерявшись, не представляя, что теперь делать, как спастись, – и внезапно сквозь шум дождя до него донесся стон. Потом еще один.

Страх... нет, не страх – некое вещее чувство оледенило позвоночник, заставило Ромашова забиться дрожью до зубовного стука. Он вымок от макушки, прикрытой затасканной ушанкой, до ступней в хлюпающих худых кирзачах, однако в горле внезапно пересохло, в голове пошел звон. Почудилось, перед ним вдруг открылось некое распутье, на которое манила судьба, и оставалось только выбрать, пойти на ее зов или попятиться.

– Кто тут? – прохрипел Ромашов, но ответом ему был новый стон, а потом раздался какой-то хрип, напоминающий сдавленный рык умирающего зверя.

Уже не колеблясь, он пошел на звуки, ничего не видя в темноте, но доверяя вдруг пробудившемуся почти звериному чутью. Несколько раз падал, но через десяток шагов размокшая земля под ногами перестала разъезжаться, и Ромашов понял, что вошел в небольшой, но густой лиственничник неподалеку от карьера, сохранившийся невырубленным, потому что там от мая до ноября вырастало несусветное количество маслят, которые собирали и местные жители, и вербованные рабочие, и заключенные.

Постоял несколько минут... Сейчас слышался только неумолчный шум ливня, бившего по иглам лиственниц. Ромашов уже решил было, что звуки ему почудились, как стон раздался вновь. Теперь стало ясно, откуда он исходил. Ромашов бросился в том направлении. Тут сверкнула молния, и во время этой мгновенной, но ослепительно-яркой вспышки Ромашов увидел тушу громадного кабана, который придавил собой человеческое тело...

Тело Степана Крамаренко!

Стало темно, однако картина, запечатлевшаяся в памяти во всех подробностях, так и стояла у Ромашова перед глазами.

Случалось, дикие кабаны подходили близко к поселку. Говорили, поголовье самок в этом году почему-то сократилось, и секачей, которым не досталось подруг, влекло в домашним хрюшкам. На одном подворье такой же вот жаждущий самец разворотил стену свинарника. Хозяин пристрелил его, а потом продал тушу на кухню ИТЛ. Мясо кабана было жестковатым по сравнению с домашней свининой, однако за него хорошо заплатили, потому что продукты на складе как раз подходили к концу, а время нового подвоза еще не настало.

Возможно, Степан заметил кабана и решил завалить его, напав с ножом и понадеявшись на свою богатырскую силу, однако замысел не удался. У старых секачей образуется на спине и по бокам калкан – что-то вроде брони из смеси древесной смолы (кабаны чешутся о стволы и собирают на себя смолу) с шерстью. Из-за этой брони нож Степана не смог проникнуть достаточно глубоко; кабан бросился на него, вонзил клыки, свалил, однако Степан продолжал наносить ему удары, пока кабан не обессилел.

Судя по стонам и хрипам, человек и зверь были еще живы. Однако и тот и другой могут погибнуть в любую минуту от потери крови. Этого нельзя допустить ни в коем случае! Их должен убить Ромашов. И как можно скорей. Таковую удачу нельзя упускать!

Он содрал с себя промокшую одежду, схватил свою заточку и замер, напряженно глядя вперед и молясь о новой вспышке молнии. И как только она взрезала небеса, Ромашов вонзил заточку сначала в горло Степана, а потом располосовал горло кабана и, отбросив оружие, погрузил руки в потоки смешавшейся крови человека и зверя – и принялся плескать на себя яростно пахнущую жизнью и смертью жидкость, с каждым вздохом принимая в себя силу двух угасающих – по его воле! – существ.

Хабаровск, 1957 год

– Что-то я никак тетю Тому не пойму, – сказала Женя, задумчиво вглядываясь в суету около причала.

Как только подошел катер, к нему немедленно хлынул народ, жаждущий поскорей плюхнуться на чистейший песочек левого берега, однако дежурный краснофлотец – старшина с широкой повязкой на рукаве синей фланелевки, –

объявил, что первыми отправятся работники военторга: они повезут продукты, которыми будут торговать, чтобы участникам культурного выезда на природу было что выпить и чем закусить.

Кругом расхохотались: все и так явились с корзинками и сумками, набрав своих домашних припасов. Гулять собирались с размахом!

– Ничего, товарищи, аппетит приходит во время еды! – кричал дежурный. – И еще оркестрантов пропустите, они тоже первой партией едут.

– Оркестр нам оставьте! – слышались протестующие голоса. – Пока будем катер ждать, хоть споем да попляшем!

– Порядок есть порядок! – отчеканил старшина и замахал руками: – Оркестр, на погрузку!

Катер наконец отчалил; оставшиеся рассаживались на берегу и, успокоенные тем, что на левом берегу найдется, чем подзаправиться, уже начали угощаться не только принесенным с собой съестным, но и выпивкой.

– Ох, наберутся раньше времени! – озабоченно сказал Саша. – На левом берегу уже не до купанья будет и не до волейбола – залягут загорать да уснут, пообгорят на солнце.

– Ничего, в военторговских припасах найдется сметана, чтобы ожоги смазывать, – с досадой отмахнулась Женя. – А ты вообще слышал, что я сказала?

– Ну, – кивнул Саша. – Только я тоже не пойму, чем именно тебя так уж озадачила Тамама.

– Да брось! – уже с откровенным раздражением глянула на него Женя. – Не притворяйся. Ты сам удивился, когда она нас буквально вытолкала на Базу КАФ. Старых знакомых навестить, съездить с веселой компанией речников на левый берег... Мне это кажется подозрительным, если хочешь знать. Вот возьму сейчас и вернусь домой на автобусе! Ну вот с чего вдруг она это затеяла?!

– А чего она такого затеяла? – сделал брови домиком Саша, принимая самый простодушный вид.

Обычно это веселило Женю, а сейчас бесило до крайности. Ну неужели Сашка не понимает, как все странно и неприятно?!

А он продолжал успокаивать:

– Мы в самом деле сто лет никого из бывших друзей не видели, и разве плохо было получить эти бесплатные приглашения на катер, поехать с веселой компанией, с оркестром...

– Не притворяйся дураком! – прошипела Женя. – Где тут кто-нибудь из наших знакомых? Ты хоть кого-то знаешь? Я – нет. Все какие-то новые физиономии. А на левый берег вполне можно обычным пароходом в выходной день съездить, не так уж это дорого. Вообще все странно... Тетя Тома на стенку лезет, стоит нам куда-нибудь вдвоем пойти или хотя бы начать собираться. Еще с классом отпускала худо-бедно, а когда школу окончили, так вообще ужас какой-то начался. Помнишь, она билеты порвала, когда мы вдвоем в Музкомедию собрались?

– Не помню, – буркнул Саша, который, конечно, отлично помнил этот дурацкий случай.

Главное, два билета на премьеру «Свадьбы в Малиновке» Женю еле достала через своих друзей-журналистов, и вдруг Тамама устроила такую истерику... Может быть, обиделась, что Женя принесла билеты только им с Сашкой, а на нее не взяла? Но все и в самом деле доставала с великим трудом! Саша, правда, потом спохватился и предложил свой билет Тамаме, но было уже поздно ее успокаивать: пошли клочки по закоулочкам, в смысле клочки билетов были брошены в мусорное ведро.

– Врешь, помнишь, – настаивала Женя. – Врешь и не краснеешь! А как она по ночам шляется по комнатам: то ко мне в боковушку заглянет, то к тебе? Проверяет, где мы... Тоже не помнишь?!

– А может, мы сбежали на тайные свидания? – пытался свести все к шутке Саша. – Ты – с Мишкой Герасимовым или с Вадькой Скобликовым, я – с Ларисой

Вечкановой...

Ларисой Вечкановой звали их соседку, на которую Саша украдкой заглядывался, хотя она была гораздо старше, а Вадька Скобликов, даром что теперь стал курсантом Хабаровской средней специальной школы милиции, по-прежнему был в Женю влюблен.

Женя, как ни была сердита, не удержалась от смеха:

– Еще раз про Мишку мне что-нибудь такое скажешь – побью, понял? Если парень втемяшил себе в голову какую-то дурь, я в этом не виновата. Вадька Скобликов, надеюсь, уже усвоил, что я могу считать его только другом. А Ларисе ты даром не нужен, студентик, будущий фельдшер! Она предпочитает мужчин с хорошей зарплатой и положением. – После этой фразы Женя фыркнула и тотчас посерьезнела: – Нет, тетя Тома выслеживает, не спим ли мы вместе.

– Чушь собачья! – так и подскочил Саша. – Ты вообще не в моем вкусе.

– Ты тоже не в моем, – успокоила Женя без малейшей обиды. – И вообще, мы всю жизнь рядом, я тебя как мужчину и не воспринимаю даже. Честное слово, даже Вадька для меня – куда больше мужчина, чем ты, хотя ты, конечно, красавчик. Но ты для меня совершенно как брат. И я люблю тебя только братской любовью.

– Нет, это я тебя люблю братской любовью, – ухмыльнулся Саша. – А ты меня – сестринской.

– Да хоть горшком назови! – махнула рукой Женя, снова раздражаясь. – Но то, что тетя Тома тебя ко мне жутко ревнует, – это факт стопроцентный. И так было всегда. Я помню, как она губы поджимала и прищуривалась, когда видела нас вместе! С самого детства помню. Если бы не дядя Саша, она бы, наверное, тебя науськивала колотить меня почем зря.

Саша отвел глаза.

Ну, колотить – это уже чересчур, конечно, однако Женька права в главном – Тамама ее не любит. Отец любил, а Тамама – нет. Но, с другой стороны, Тамама не сдала же ее в детский дом после гибели Жениной матери, Ольги Васильевой,

не оставила в Горьком, а забрала с собой. Однако, несмотря на все уговоры мужа, удочерить Женьку она не захотела. А как было бы здорово, если бы они считались братом и сестрой!

Но Тамама...

Вообще все как-то странно складывается в Сашкиной жизни. Почему-то он никогда не произносил слов «мама» и «папа» по отношению к своим родителям, а называл их Тамамой и Сапашей, что очень забавляло отца, однако бесило мать. Конечно, с годами она свыклась с этим прозвищем, но все же в глазах ее иногда вспыхивала такая горечь, такая обида... А вот Женьку Саша с удовольствием назвал бы сестрой. Они даже немного похожи, особенно на тех фотографиях, которые сделали после выпускного в фотоателье. Жаль, что пропали куда-то, хорошие были снимки.

Женька, конечно, права: Тамама к ней придирается довольно злобно. К примеру, недавно купила Женька у букиниста старую-престарую книжку такую, еще дореволюционное издание: «Тристан и Изольда», роман какого-то француза по имени Жозеф Бедье. Тамама ее как увидела, так подняла крик: «Ты тащишь в дом враждебную литературу! Нас за эти книжонки посадят!» Отняла потрепанный томик и сказала, что выбросила его в помойку. Женька аж заплакала от злости. А ночью Сашка проснулся по нужному делу, видит, у Тамамы свет горит. Заглянул – а она спит, рядом книжка валяется. Тот самый Бедье! Те же самые «Тристан и Изольда»! Ну и Тамама, хороша, ничего не скажешь... Сашка тогда даже и не знал, что делать. Потом забрал книжку к себе в комнатку и одним духом прочел ее от корки до корки.

Слезливая ерунда, конечно, для нежных, так сказать, дев, но все-таки ерунда трогательная. Хотя насчет того, чтобы безумная любовь вспыхнула от глотка какого-то зелья, – это художественный вымысел, это Сашке ужасно не понравилось!

Под утро он, уже со слипающимися глазами, книжку закрыл, спрятал как следует под выпадающей половицей, которую недавно обнаружил в углу кухни, и вернулся в кровать. В тот день он жестоко опоздал в училище, потому что добудиться его не могли ни Женя, ни Тамара.

Москва, 1957 год

Вальтер Штольц приехал в Москву ровно через двадцать лет после того дня, как панически бежал оттуда, спасая свою жизнь. Разумеется, он прибыл под чужим именем и с весьма почтенной миссией. Теперь его звали Вернером Хольтом и он представлял газету «Морген» – печатный орган ЛДПГ, Национально-демократической партии Германии. Эта либеральная партия была создана в Восточной Германии по инициативе Сталина, чтобы заинтересовать бывших служащих вермахта [26 - Вермахт – все вооруженные силы фашистской Германии в 1935–1945 гг.] и вовлечь их в политическую систему нового социалистического немецкого государства.

Подлинный Вернер Хольт – ефрейтор – был ранен в декабре 1945 года и приехал в Дрезден долечиваться. Он оказался в одном госпитале с штурмбаннфюрером СС Вальтером Штольцем. Разумеется, они не были знакомы и находились в разных палатах. Однако они были выписаны в один день и направлялись в числе других бывших пациентов госпиталя на вокзал, когда на город обрушилась серия бомбовых ударов английской и американской авиации. Это происходило 13 и 14 февраля 1945 года. После бомбардировок центр Дрездена был полностью разрушен, а около тридцати тысяч человек погибли в чудовищном огненном смерче.

Вальтер Штольц получил сильные ожоги, однако выжил. Он был вынужден содрать с себя всю одежду, которая занялась огнем, и потерял сознание. Его спасла кирпичная стена, под которую он свалился без чувств и поверх которой прошла огненная волна. Это было чудо, истинное чудо, дарованное ему Провидением... счастливейшая из случайностей, какая только может выпасть человеку!

Очнувшись, Вальтер обнаружил вокруг множество обугленных трупов, а рядом с собой мертвого человека в прожженном местами мундире, с остатками погон на плечах...

Вальтера трясло от холода. Его сброшенная одежда превратилась в горстку пепла, а у этого мертвеца более-менее сохранились и одежда, и обувь, которые ему были уже не нужны. Вальтер раздел мертвого и кое-как напялил на себя его лохмотья.

В кармане он обнаружил почти полностью уцелевшие документы на имя ефрейтора Вернера Хольта. А еще там лежало потертое на сгибах письмо.

Вальтер прочел его. Оно было датировано еще ноябрем минувшего года. Какая-то фрау Штильке из Бремена сообщала Хольту, что он овдовел второй раз: его молодая жена Магда потеряла ребенка, сама до сих пор в больнице, и неведомо, выживет она или нет, так что пусть Вернер готовится к худшему. Так или иначе, теперь некому навещать могилы его родителей на городском кладбище, однако она, фрау Штильке, как добрая соседка обещает присматривать за могилами до тех пор, пока домой не вернется сам герр Хольт и не отблагодарит ее.

В те несколько мгновений, пока Вальтер читал это письмо, он понял, что Провидение вторично явило ему свою милость. Он давно уже осознал, что партия Германии проиграна, что остались считанные месяцы до ее полного поражения. Очень многие из высокопоставленных знакомых его отца, Франца-Ульриха Штольца, умершего в 1943 году, уже приготовили себе убежище в Швейцарии и даже в Южной Америке, а иные были готовы отправиться туда со дня на день. Старинного друга Вальтера, одного из сотрудников Штаба Валли Отто-Панкраца Штольце, сына знаменитого Эрвина Штольце, полковника и руководителя диверсионного отдела абвера, убили в том же бою, в котором Вальтер Штолец был ранен. Умирая, Отто-Панкрац успел сказать:

– Сделай все, чтобы выжить, Вальтер! Найди то, что искал! Найди свой артефакт!

Это не было предсмертным бредом. Хотя в начале войны Отто-Панкрац Штольце с откровенной насмешкой относился к тем невероятным усилиям, которые предпринимал его друг Вальтер Штолец, чтобы отыскать бесценный артефакт – мощи могущественного русского чудотворца Серафима Саровского, – постепенно он проникся одержимостью Вальтера, а на пороге смерти, возможно, на него снизошло некое озарение, поэтому он и дал другу именно такое последнее напутствие.

В те минуты, когда Вальтер Штолец, изнуренный ужасом и болью, страдающий от ожогов, держал в руках документы ефрейтора вермахта Вернера Хольта, он понял, что новое имя не только позволит ему выжить, но и даст возможность если не осуществить мечту жизни, то хотя бы попытаться это сделать.

Скоро Германии придет конец, и победители – русские, англичане, американцы! – будут рвать ее на части.

Вальтера Штольца, сына одного из основоположников «Общества Туле» [27 - «Общество Туле» – немецкое оккультное и политическое общество, возникшее в Мюнхене в 1918 году. Считается, что общество имело отношение к созданию секретного оружия Гитлера. Его руководители не только учили Гитлера искусству публичных выступлений, но и передали ему некие магические секреты, позволившие ему добиться политического успеха.] и видного деятеля Аненэрбе [28 - Аненэрбе – организация, существовавшая в Германии в 1935–1945 годах, созданная для изучения традиций, истории и наследия германской расы с целью оккультно-идеологического обеспечения функционирования государственного аппарата Третьего рейха.], штурмбаннфюрера СС, входившего в состав Особого секретного подразделения СС, которое курировал лично рейхсфюрер Гиммлер, поставят к стенке или вздернут на виселицу очень быстро. И даже если он сможет спастись, затаиться, жить, скрываясь, ему никогда не вернуться в Россию, где его знали, где о нем сохранились донесения агентов НКВД, где в архивах есть его фотографии... Но кто узнает Вальтера Штольца в этом трясущемся от боли человеке с ожогами на лице, вдобавок если он предъявит бумаги на имя безобидного ефрейтора Вернера Хольта?

Никто. Ни одна живая душа!

Он заботливо припрятал свои новые документы и, сказав Вальтеру Штольцу: «Lebe wohl f?r immer, mein Getreuer!» [29 - Прощай навсегда, мой верный друг! (немецк.)], отправился на восток.

Да, он решил остаться в той части Германии, которую контролировали советские войска. Во-первых, Вальтер боялся, что, если вернется в западную часть страны, рано или поздно может столкнуться с кем-то, кто знал подлинного Вальтера Штольца, – ведь именно туда ринутся его бывшие знакомые! – или Вернера Хольта. Скажем, Магда, жена Хольта, все-таки выживет и начнет разыскивать мужа... А во-вторых, Вальтер понимал, что гражданин просоветской Германии легче получит доступ в СССР, чем гражданин Германии проамериканской. В то, что союзники по борьбе с фашизмом останутся таковыми после разгрома фашистов, мог верить только самый наивный из идеалистов, а Штолец, то есть нынешний Хольт, таковым не был.

После того как Германия капитулировала, после мытарств в лагере Вернер Хольт настолько преуспел в попытках поладить с новым командованием и новой властью, что прочно прижился в ГДР в качестве обозревателя в газете «Морген». Великолепное образование, которое он некогда получил в Берлинском университете, придавало особый лоск его статьям, а прекрасная память позволяла цитировать речения советских коммунистических кураторов и их германских подопечных как нельзя более к месту. Ему не слишком трудно было выступать в образе преданного адепта нового германского социалистического государства. Это ничуть не отягощало его совесть. Это была мимикрия – очень полезная мимикрия, благодаря которой Вальтер Штольц надеялся рано или поздно оказаться в Советском Союзе, причем получить относительную свободу передвижения в этой стране.

Он мечтал хотя бы ненадолго оказаться в городе Горьком. Хотя бы на сутки.

Во что бы то ни стало ему нужно было узнать, что случилось с детьми Грозы и где находится его дневник!

Иногда Вальтер грустно размышлял о том, что, если бы не это маниакальное стремление, жизнь его могла бы пойти совершенно иначе. Если бы он ушел на запад, туда, где порядок в новой Германии установили американцы, он уже мог бы не бояться своего военного прошлого не только как Вернер Хольт, но даже и как Вальтер Штольц.

Почти половине руководителей главных управлений СС и полиции Третьего рейха была сохранена жизнь. Из почти 53 тысяч эсэсовцев, которые являлись исполнителями приказа об истреблении «неполноценных народов» и входили в состав «эйнзатцгрупп», к уголовной ответственности судами было привлечено только около 600 человек.

Тюрьма для нацистских военных преступников в городе Ландсберг опустела довольно быстро. Новый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр не отвергал сотрудничества со старыми нацистскими кадрами, философски рассуждая: «Грязную воду не выплескивают, когда нет чистой».

Вальтер знал, что уже в 1952 году все бывшие нацистские чиновники, а также сотрудники гестапо, согласно законодательству ФРГ, получили законное право занимать публичные должности в государстве, а в 1954 году был принят закон

об освобождении от судебного преследования.

Однако если бы нацистское прошлое Вальтера Штольца и его жизнь под чужим именем стали известны в ГДР, ему не удалось бы остаться на свободе. Конечно, он был вполне уверен в том, что ему ничего не грозит. И все-таки для себя Вальтер решил, что, добравшись до Сарова или Горького, он вернется уже не в ГДР, а в ФРГ. И там назовется своим настоящим именем.

Но – не раньше, чем узнает судьбу наследства Грозы!

Хабаровск, 1957 год

– Товарищи! Для нас подали второй катер, так что скоро вы будете культурно отдыхать! – раздался усиленный рупором голос дежурного, и Саша обрадовался возможности прекратить неприятный разговор. Он схватил вещмешок, стоявший у ног Жени, и помчался к берегу, не сомневаясь, что Женька, пусть и сердитая, последует за ним, а не повернется и не уедет домой. И дело не в том, что ей тоже хочется искупаться на левом берегу, где чудные мелководные места и песок как золото. Просто Саша всегда совершенно точно знает, где находится Женя, и почти всегда – о чем она думает. Ну конечно, ведь они всю жизнь рядом провели...

А если Тамама и в самом деле беспокоится о том, что у него может появиться влечение к Жене, то напрасно! Ему нравятся девушки совсем другого типа. Женька высокая, а ему нравятся маленькие. Женька довольно худая, а ему нравятся полненькие. У Женьки русые волосы, а ему нравятся брюнетки. Саша с удовольствием завел бы роман с какой-нибудь китаяночкой, да они ужас как сторонятся русских, несмотря на то что «русский и китаец – дружба навек», как написано на многочисленных плакатах, развешанных по городу, и как твердят газетные передовицы. Жаль, что Лариска Вечканова на Сашу никакого внимания не обращает. С другой стороны, она ему, конечно, нравится как женщина, но говорить-то с ней совершенно не о чем. После постели же придется какие-то разговоры вести, нельзя же просто так вскочить и убежать! Хотя ему именно так и приходилось делать, когда они ездили с парнями в Сормово, в женское общежитие. Девчонки там были простые, как табуретки. Вот и бежал он сразу после этого – от скуки. Девчонки на такое обижались, конечно, но чего они ждали, если выпивать с ними неохота, а говорить не о чем? Или надеялись, что

Саша их сразу в загс потащит?

А интересно, у Женьки уже кто-нибудь был? Ну, в смысле мужчина? Вряд ли, она так нос задирает, что парни к ней подходить боятся, – так, лишь издалека облизываются. Мишка Герасимов, правда, сначала возомнил было о себе невесть что, когда вернулся из колонии и зачастил в Союз писателей, в литературное объединение. Его там хвалили всюду, печатали его стихи и в «Молодом дальневосточнике», и в «Тихоокеанской звезде», и даже в журнале «Дальний Восток» – ну он и начал считать себя вторым Петром Комаровым [30 - Петр Степанович Комаров (1911–1949) – знаменитый дальневосточный поэт.]. И решил, что Женька Васильева будет просто счастлива рухнуть в объятия молодого, подающего большие надежды поэтического дарования. Однако не на ту напал! Она Мишку так отшила, что он теперь вообще боялся к калитке Морозовых подойти. Однажды Саша видел, как сосед-поэт, которому, чтобы выйти на улицу Запарина, нужно было только пробежать проулочком между заборами Морозовых и их соседей Кандыбиных, буквально пятьдесят метров, делает длинный крюк: идет через двор на улицу Дзержинскую, спускается по ней до Вокзальной, пробирается через строительные площадки (здесь собирались возвести кварталы новых кирпичных домов и даже грозились скоро начинать засыпать речку Чердымовку!) – и только потом выходит на улицу Запарина. А в последнее время Мишка вообще куда-то пропал. Уж не покончил ли, часом, с собой, как грозился во всеуслышание после очередного «отворотповорота», полученного от Женьки?!

Он даже стихи такие трагические тогда выкрикивал на всю улицу:

Уйду, не оглянусь,

Туда, где высота и только небо.

Забуду о земле,

Забуду обо всем, где был и не был.

Забуду обо всех – и о тебе забуду.

Но горький взгляд мой

Будет с высоты

Тебя преследовать повсюду!

Женя, выслушав это, по обыкновению, стоя на березе, крикнула:

– Слишком много бу-бу-бу, ду-ду-ду, Мишка! Ты же сам жаловался, что тебя в Союзе ругали за избыточные повторы! Надо развивать словарный запас, а не жалкие страсти-мордасти нагнетать, что вообще как-то не вяжется с обликом советского поэта!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Панцуй – китайское название женьшеня, принятое и на русском Дальнем Востоке. (Здесь и далее примечания автора.)

2

Амбани – тигр (нанайск.).

3

Кавторанг – капитан второго ранга, каперанг – капитан первого ранга.

4

Контр-адмирал – в ВМФ звание, более высокое по отношению к капитану первого ранга, следующее по старшинству до адмирала.

5

База Краснознаменной Амурской флотилии – один из районов Хабаровска, городок военных речников.

6

КЭЧ, то есть квартирно-эксплуатационная часть, – воинское формирование, которое занимается тыловым обеспечением Вооруженных сил Российской Федерации (ранее – СССР).

7

Поскольку Байкало-Амурская магистраль (БАМ) строилась в описываемое время силами заключенных, слово «бамовец» было тем же, что ворюга, зэка, грабитель.

8

Под этим названием в СССР шел американский фильм 1936 года «Спасение Тарзана», входивший в число тех, которые были захвачены Красной Армией в качестве трофеев на территории Германии и других европейских стран во время Великой Отечественной войны.

9

Антоновщина – восстание 1920–1921 годов – одно из самых крупных народных восстаний против советской власти в годы Гражданской войны. Мятеж обычно называется антоновским или антоновщиной, по фамилии одного из руководителей восстания, эсера А. Антонова, однако истинным его главой был П. Токмаков, командующий Объединенной партизанской армией и председатель Союза трудового крестьянства. Мятежом были охвачены Тамбовская и частично Воронежская, Пензенская и Саратовская губернии.

10

Штаб Валли – одно из секретных подразделений абвера (службы военной разведки и контрразведки гитлеровской Германии), которое готовило шпионов для заброски на оккупированную гитлеровцами советскую территорию, а также занималось борьбой с антифашистским подпольем и партизанским движением.

11

Унжлаг, или Унженский ИТЛ, – исправительно-трудовой лагерь с центром на станции Сухобезводное Горьковской области.

12

Ципао – китайская национальная женская одежда: распашное платье с застежкой на плече, с высоким воротом и разрезами по бокам.

13

Косатка-скрипун – одна из многочисленных амурских рыб.

14

«Вышка» – высшая мера наказания, смертная казнь – в описываемое время применялась в СССР. Она была отменена в России в 1997 году.

15

Идиопатический – медицинский термин, который означает: возникающий самостоятельно, по неустановленной причине.

16

В описываемое время эту аббревиатуру писали с точками.

17

Лихуабань – древний китайский музыкальный инструмент.

18

Чжоу И – Книга перемен.

19

Дюйю – напиток (китайск.).

20

Гоминьдан, или Чжунго Гоминьдан, – Китайская Национальная народная партия. Гоминьдан вел вооруженную борьбу с Коммунистической партией Китая за право управления страной. В 1949 г., когда власть в стране полностью взяли в руки коммунисты и гражданская война окончилась, гоминьдановскому правительству, потерпевшему поражение, пришлось бежать на Тайвань.

21

Юлий Борисович Харитон (1904–1996) – советский и российский физик-теоретик, один из руководителей советского проекта атомной бомбы. Трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и трех Сталинских премий.

22

Зато?чка – самодельное холодное оружие заключенных, изготовленное по типу шила или ножа.

23

СПЕКО – эта аббревиатура обозначала 9-й отдел ГУГБ (Главного управления государственной безопасности) НКВД СССР (до 25 декабря 1936 г. – Спецотдел ГУГБ НКВД), которым до июня 1937 г. руководил Г. И. Бокий.

24

Бокий Глеб Иванович (1889–1937) – революционер, видный оккультист, сотрудник советских спецслужб, комиссар государственной безопасности 3-го ранга. Расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

25

Дуров Владимир Леонидович (1863–1934) – знаменитый дрессировщик, секретный сотрудник СПЕКО.

26

Вермахт – все вооруженные силы фашистской Германии в 1935–1945 гг.

27

«Общество Туле» – немецкое оккультное и политическое общество, возникшее в Мюнхене в 1918 году. Считается, что общество имело отношение к созданию секретного оружия Гитлера. Его руководители не только учили Гитлера искусству публичных выступлений, но и передали ему некие магические секреты, позволившие ему добиться политического успеха.

28

Аненэрбе – организация, существовавшая в Германии в 1935–1945 годах, созданная для изучения традиций, истории и наследия германской расы с целью оккультно-идеологического обеспечения функционирования государственного аппарата Третьего рейха.

29

Прощай навсегда, мой верный друг! (немецк.)

30

Петр Степанович Комаров (1911–1949) – знаменитый дальневосточный поэт.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/elena-arseneva/v-moih-glazah-tvoya-pogibel>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)